

М.Дж. КАРЛЕЙ (Канада)

“ТОЛЬКО СССР ИМЕЕТ... ЧИСТЫЕ РУКИ”: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, КОЛЛЕКТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЕВРОПЕ И СУДЬБА ЧЕХОСЛОВАКИИ (1934–1938 годы)

Когда в конце сентября 1938 г. закончился чехословацкий кризис, народный комиссар иностранных дел СССР М.М. Литвинов находился на заседании Лиги Наций в Женеве. Там он до последнего момента пытался организовать помощь Праге, которая столкнулась с притязаниями Германии на ее территорию и предательством со стороны своего союзника, Франции. Казалось, Европа балансировала на грани войны, когда британский министр иностранных дел лорд Галифакс отправил своих представителей в Женеву, чтобы те узнали у Литвинова, что будет делать Советский Союз, если начнется вооруженная борьба. Этот вопрос, наверное, уже не раз задавался наркомом, который знал, что британское правительство и особенно его глава Н. Чемберлен не будут бороться за Чехословакию. Тем не менее английская делегация нашла Литвинова, который не замедлил обвинить Великобританию и Францию в потворстве Гитлеру. “Только СССР имеет, – сказал он, – ...чистые руки” в отношениях с Чехословакией¹.

Многие историки считают это заявление неубедительным. Мы до сих пор живем стереотипами времен “холодной войны”, которые мешают открыть широкий доступ к архивным материалам о советской внешней политике. Напротив, издано много исследований по английской и французской дипломатии во время мюнхенского кризиса. Мнения в них разнятся от традиционных обвинений (“преступники”, которые продали Чехословакию) до сочувствия и понимания действий так называемых “реалистов”, которые осознавали, что их страны (Великобритания и Франция) в 1938 г. не имели ни денег, ни оружия, чтобы воевать. Поэтому “реалисты” мудро выгадывали время на перевооружение за счет сдачи Чехословакии. Некоторые историки соглашались с тем, что английские и французские политики не имели выбора, кроме переговоров с Гитлером, другие, напротив, называют реализмом противостояние гитлеровской агрессии, на которое тогда не решились².

Другой великой державой, вовлеченной в чехословацкий кризис, был Советский Союз, хотя некоторые исследователи зачастую не замечают или недооценивают его роль. Так, итальянский историк и пионер в исследовании советских архивов С. Понс характеризует внешнюю политику СССР в 1938 г. словами: “бдительность” и “пассивность” вместо “вовлеченности”. Среди причин называются сталинские “чистки” и сделанный Сталиным “стратегический выбор”. Последний рассматривал дипломатию через призму

Карлей Майкл Джабара – профессор, директор департамента истории Монреальского университета (Канада). Перевод Д.В. Суржика.

¹ Галифакс – британской делегации в Женеве, № 54, 23 сентября 1938. – Documents of British Foreign Policy (далее: DBFP), ser. 3. London, 1949–1957, v. II, p. 480; *Майский И.М.* Дневник дипломата (далее: Дневник). М., 2006, кн. 1, с. 277–280.

² См. *Young R.J.* France and the Origins of the Second World War. New York, 1996; *Parker R.A.C.* Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War. London, 1993; *Carley M.J.* 1939: The Alliance That Never Was and the Coming of World War II. Chicago, 1999.

марксистско-ленинских догм: война с империалистическими странами неизбежна, и для СССР нет большой разницы, с кем из “капиталистов” вести войну. По мнению Понса, Париж и Лондон “не могут в полной мере нести ответственность за удаление и пассивность СССР во всё более обострявшихся европейских взаимоотношениях”³. Представляет интерес исследование З. Штейнер, проведённое на основе важных материалов некоторых российских архивов. Поддерживая точку зрения Понса о Сталине как заложнике идеологизированного взгляда на международные отношения, она, тем не менее, показывает, что советская дипломатия совершала некоторые позитивные шаги⁴.

Другим наиболее часто упоминаемым в данной связи трудом является работа Х. Рэгсдейла, в котором он отвечает критикам политики умиротворения цитатой из февральского номера “Манчестер гардиан” 1939 г., что это был “умный план – продать друзей, чтобы купить врагов”. Его книгу отличает внимательное изучение восточноевропейских архивов (особенно румынских), чтобы понять события вокруг Судетского кризиса. Он в большей степени, чем Понс, полагает, что советское руководство хотело поддержать Чехословакию и выдвинуло крупные войсковые соединения на границы с Польшей и Румынией. Более интересно, что он нашел доказательства желания последней сотрудничать в обороне Чехословакии в то время как Варшава заняла откровенно враждебную позицию. Чтобы достичь Чехословакии, Красной Армии пришлось бы пройти по польской и/или румынской территории. Причем Румыния согласилась дать разрешение, если Париж решит защищать независимость Праги⁵. Тем самым Х. Рэгсдейл по существу поддерживает точку зрения советской или российской историографии, настаивающей на искреннем желании Советского Союза помочь ЧСР. В последней не раз указывалось на частичную мобилизацию Красной Армии на польских и румынских границах как доказательство намерений советского правительства поддержать Чехословакию и обеспечить безопасность советских границ в связи с риском войны на Западе, высказывалось мнение, что СССР занимал четкую позицию в борьбе с нацистской гегемонией в Европе и даже в одиночку, без союзников, готов был помогать Чехословакии⁶.

Существует также немало документальных публикаций, посвященных мюнхенскому кризису, хотя на Западе это не специальные сборники, а материалы в составе сводных публикаций по внешней политике тех или иных стран⁷. Настоящая статья основа-

³ Pons S. Stalin and the Inevitable War, 1936–1941. London – Portland, 2002, p. 126 и далее.

⁴ Steiner Z. The Soviet Commissariat of Foreign Affairs and the Czechoslovakian Crisis in 1938: New Material from the Soviet Archives. – Historical Journal, № 42 (1999), p. 751–779. Хотелось бы поблагодарить Зару за высланные ею мне фотокопии советских документов.

⁵ Ragsdale H. The Soviets, the Munich Crisis, and the Coming of World War II. London – New York, 2004.

⁶ Ситов В.Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность 1933–1939. М., 1974; Волков В.К. Мюнхенский сговор и балканские страны. М., 1978; Севостьянов Г.Н. Европейский кризис и позиция США, 1938–1939. М., 1992, с. 108–110; Чельшиев И.А. СССР – Франция: трудные годы, 1938–1941. М., 1999, с. 41; Орлик И.И. Эдуард Бенеш: годы побед и поражений. – Новая и новейшая история. 2008, № 5, с. 150–152; Безыменский Л.А. Сталин и Гитлер перед схваткой. М., 2009, с. 140–151; Христофоров В.С. Мюнхенское соглашение – пролог Второй мировой войны (по архивным материалам ФСБ России) – Новая и новейшая история. 2009, № 1, с. 21–47; Марьина В.В. Еще раз о Мюнхене (новые документы чешских архивов). – Война. Народ. Победа. М., 2008, с. 19–59. Исключением является точка зрения С.З. Случа, который, частично разделяя мнение Понса, считает, что советская поддержка Чехословакии была лишь демонстрацией (Случ С.З. Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 года. Некоторые аспекты политики невмешательства. – Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. М., 2009, с. 114–144.)

⁷ Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958; Документы внешней политики СССР (далее – ДВП), т. XXI. М., 1977; Документы и материалы кануна Второй мировой войны, т. 1. М., 1981; Документы по истории мюнхенского сговора (далее – ДИМС). М., 1979; Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений, т. 3. М., 1978; Documents on German Foreign Policy (далее – DGFP), ser. C, v. 4. Washington, 1962; Foreign Relations of the United States, 1938 (далее: FRUS, 1938), v. I–II Washington, 1955; Documents diplomatiques français (далее – DDF), 1re série, t. VII. Paris, 1964–1984 etc.

на на обширном документальном материале из английских, французских, румынских архивов, а также Архива внешней политики Российской Федерации, в частности, мало использовавшихся фондов М.М. Литвинова, В.П. Потёмкина, Н. Н. Крестинского и др.

* * *

Независимость Чехословакии гарантировалась несколькими договорами о взаимопомощи, заключенными между СССР, Францией и Чехословакией в 1935 г. и франко-чехословацкими соглашениями 1924–1925 гг. Отношения между Парижем и Москвой всегда были враждебными, но назначение А. Гитлера на пост канцлера в январе 1933 г. вынудило обе стороны пересмотреть политику в отношении друг друга. Французские политики Э. Эррио, Ж. Поль-Бонкур и Л. Барту возглавили движение за улучшение взаимоотношений. В Москве аналогичный курс проводил нарком иностранных дел М.М. Литвинов. Он стал главным рупором советской “политики коллективной безопасности”, которая фактически означала восстановление Антанты.

С 1932 г. руководство СССР пыталось улучшить взаимоотношения не только с Третьей республикой, но также с США, Великобританией, Чехословакией, Румынией и даже с традиционно враждебной ей Польшей. Кремль также пытался наладить отношения с Римом, которые испортились после итальянского вторжения в Абиссинию осенью 1935 г. Несмотря на пропагандистские лозунги, советская политика была антинацистской, а не антифашистской. Литвинов был убежден в агрессивном характере внешней политики Гитлера и предупреждал Сталина и его западных союзников: нацизм – угроза для европейского мира и безопасности. Он часто подтрунивал над немецкими дипломатами, ссылаясь на известную книгу Гитлера “Майн Кампф”, где описывались расистские планы мирового господства Германии.

В октябре 1934 г. по улучшению франко-советских отношений был нанесен сильный удар: убитого хорватскими террористами Барту сменил убежденный антикоммунист П. Лаваль, больше заинтересованный в улучшении отношений с нацистской Германией, нежели с Советским Союзом. Обсуждение договора о двусторонней помощи, которое началось с бесед Поль-Бонкура и Литвинова осенью 1933 г., при Лавале спустило на тормозах. Советское правительство и сторонники сближения из числа французов были обеспокоены гибелью Барту. Они предупреждали советского посла в Париже В.П. Потёмкина, что Лаваль может радикально изменить направление французской внешней политики⁸. В ходе встреч Литвинова и Лавалья, а также постоянных представителей в здании на Кэ Д’Орсе, которые происходили в начале 1935 г., советский нарком требовал заключения союзного договора. Один из французских политиков позднее сказал, что его коллеги “забаллотировали” советские инициативы⁹. Литвинов фактически озвучивал перед ними предложения Политбюро ЦК ВКП(б) о взаимной гарантии безопасности прибалтийских республик, уязвимых для немецкой агрессии, и пункт об оказании многосторонней помощи друг другу, если какая-либо из подписавших договор сторон подвергнется агрессии. Политбюро не хотело проводить этот документ через Лигу Наций, где он мог быть заблокирован даже одним голосом¹⁰. Лаваль отказался дать ответ на какое-либо из данных предложений: совет министров, как сказал он, зашел уже слишком далеко. Он заявил Литвинову, что “совершенно равнодушен” к судьбе возможного пакта. Своим же помощникам он сказал, что чувствовал себя “в положении подгоняемой собаки” после переговоров с Литвиновым и Потёмкиным. Из-за того, что Лаваль не согласился поддержать гарантийный договор для Прибалтики, Литвинов

⁸ Charles Alphand, Французский посол в Москве, nos. 444–446, 12 octobre 1934. – DDF, 1re série. Paris, 1964–1984, v. VII, p. 718–719; Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ), ф. 0136, оп. 19, п. 164, д. 814, л. 166–170.

⁹ MAE [Ministère des Affaires étrangères, Paris], [ancienne série Z] Europe, 1918–1940, URSS, v. 974, fol. 26.

¹⁰ АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 113, д. 122, л. 150–151; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения “особой папки”, 1923–1939. М., 2001, с. 322.

отказался дать взаимные обязательства по безопасности Бельгии, Швейцарии и демилитаризованной Рейнской зоны. “На это уточнение французы, впрочем, немедленно согласились”, – позднее объяснял он¹¹. Советский Союз, в отличие от Франции, предлагал конкретные шаги, в отличие от Франции. От первоначального варианта договора почти ничего не осталось, когда Лаваль и французские дипломаты предложили свой вариант, написанный с учетом процедур Лиги Наций, без условия обязательной и автоматической взаимной помощи и без военной составляющей.

Даже после того, как Лаваль согласился подписать с Литвиновым такой вариант 17 апреля, на Кэ д’Орсе попытались смягчить язык документа¹². Потёмкин после консультации с Эррио выдвинул решительные возражения, и Лаваль, видимо, уже не столь равнодушный к судьбе этого договора, несколько отступил. В Москве раздраженное Политбюро или, вернее сказать, Сталин были готовы уже заявить, что СССР может обойтись и без соглашения с Францией. Политбюро посоветовало Потёмкину не торопиться событиями, поскольку Кремль может не принять французский вариант. “Не создавать тем самым иллюзии о том, что будто бы мы больше нуждаемся в пакте, чем французы”, – говорилось в телеграмме. Чтобы продемонстрировать свое недовольство, Кремль отозвал Литвинова из Женевы¹³. По мнению Лавалья, это была небольшая размолвка, однако посол Франции в Москве Ш. Альфан справедливо предполагал обратное. Отмечая раздражение советского руководства, он предупреждал французский МИД, что Сталин может прекратить переговоры¹⁴. Вопрос о подписании договора оказался в подвешенном состоянии. Предшественник Потёмкина в Париже, В.С. Довгалевский однажды сказал, что во время переговоров с французами им никогда нельзя доверять, даже если ведется стенограмма¹⁵. Его слова нашли подтверждение в 1935 г., когда Литвинов вернулся в Москву для встречи с членами Политбюро 22 и 23 апреля. Он исходил из того, что лучше иметь рамочное соглашение о взаимопомощи, чем никакого вообще. Однако во Франции и за ее пределами у договора было очень мало сторонников. В их числе Литвинов мог назвать консервативного политика Ж. Манделя и еще нескольких человек. Даже Эррио, ранее поддерживавший улучшение советско-французских отношений, занял двусмысленную позицию. Против пакта были настроены Англия, Италия, Германия и Польша. В итоге получилось рамочное соглашение, которое среди прочего препятствовало возникновению в Европе антисоветского блока и не допускало объединения Франции и Германии. Французы же, по иронии судьбы, использовали аргументацию от противного: оправдывая свое участие, они говорили, что тем самым не дают объединиться Сталину и Гитлеру. По словам Литвинова: “Наша безопасность по-прежнему останется исключительно в руках Красной Армии. Пакт для нас имеет преимущественно политическое значение, уменьшая шансы войны как со стороны Германии, так и Польши и Японии. Для нас договор имеет в основном политическое значение, уменьшая вероятность войны не только с Германией, но также с Польшей и Японией”. Поэтому 2 мая 1935 г. Потёмкин подписал договор вместе с Лавалем. Позднее он не раз говорил: “Надо было подписать кое-что (quelque chose)”¹⁶.

На следующий день, 3 мая, узнав о подписании франко-советского договора, министр иностранных дел (а вскоре – президент) Чехословакии Э. Бенеш позвонил полпреду СССР в Праге С.С. Александровскому, чтобы обсудить некоторые вопросы в связи с заключением франко-советского и возможностью заключения чешско-советского соглашения¹⁷.

¹¹ АВП РФ, ф. 082, оп. 18, п. 80, д. 1, л. 49–52.

¹² ДВП, т. XVIII, с. 292–293, 295–296.

¹³ ДВП, т. XVIII, с. 296–297; Политбюро ЦК РКП(б)…, с. 325, 326.

¹⁴ DDF, 1er, t. X, p. 384–385.

¹⁵ ДВП, т. XIV, с. 306–309.

¹⁶ АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 113, д. 122, л. 179–182; п. 106, д. 16, л. 5–6; На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принимаемых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). М., 2008, с. 160–161.

¹⁷ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений в 5 томах. М., 1973–1975, т. III, с. 106–107.

Бенеш попросил включить в будущий документ два пункта: 1) Чехословакия не обязана помогать СССР в случае возникновения советско-польской войны; 2) договор действует в рамках Локарнских соглашений 1925 г. Литвинов снова посоветовал Сталину согласиться, ведь французы приняли эти пункты, и было бы трудно избежать их выполнения. По словам дипломата, он уже сообщил Бенешу, что эти два пакта не идентичны, ибо Чехословакия не подписывала соглашения в Локарно. В ответ он услышал, “что, во всяком случае, Чехословакия может оказывать помощь лишь в тех случаях, когда таковая будет оказываться со стороны Франции”.

Советский Союз не имел общей границы с Германией, и в случае войны Чехословакия могла быстро проиграть, пока Франция начнет борьбу с Германией. Несколько позднее Бенеш говорил своим французским коллегам, что им руководило желание не брать большие, чем у Парижа обязательства в отношении Москвы. Ссылка на Локарно способствовала дальнейшему ограничению обязательств со стороны Праги. Как и Лаваль, Бенеш хотел, чтобы договор был направлен только против Германии, но не против Польши. По словам Литвинова, это было чревато трудностями, ибо Чехословакия в случае польской агрессии могла обнаружить, что у нее нет союзников и поэтому она будет “сокрушена”. Бенеш согласился, что наблюдение Литвинова ценно и обещал над ним подумать, но глава советской дипломатии сомневался, что чехословацкое правительство изменит свою позицию. Как сказал Потёмкину Литвинов, Прага хотела тех же “узких условий”, как и французы, и это обстоятельство “заставляет нас призадуматься”¹⁸. 4 мая Политбюро ЦК ВКП(б) приняло текст договора, но с оговоркой: СССР окажет помощь жертве агрессии только при условии, что аналогичную помощь окажет Франция¹⁹. Последняя не стремилась к заключению договора, Чехословакия не желала заключать договор без Франции, а СССР – без условия предварительной французской помощи Праге. Таким образом, роль Парижа была решающей. Если он не оказывал помощи, Прага оставалась один на один с агрессором. Пакты 1935 г. оказались плохой основой для противостояния кризису 1938 г. 16 мая, после того как Лаваль в Москве встретился со Сталиным, Литвиновым и другими членами Политбюро ЦК ВКП(б), Бенеш и Александровский подписали чехословацко-советское соглашение. Всем, кто помнил нежелание Лавала подписывать договор, было удивительно предложение главы французского МИДа начать консультации начальников штабов, необходимые для оказания двусторонней помощи Чехословакии в случае немецкой агрессии. Поскольку СССР не имел общей границы с Германией, вставала также проблема прохода Красной Армии по территории Польши и Румынии. Поляки ни при каких условиях не соглашались пустить советские войска на свою территорию, храня память о прежних обидах. Напротив, румыны были открыты для сотрудничества. Румынский министр иностранных дел Н. Титулеску поддерживал хорошие отношения со своим советским коллегой и был сторонником советско-французского договора о взаимопомощи. Когда подписание последнего зашло в тупик, он использовал свое влияние, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. Титулеску говорил Литвинову, что если бы советско-французский договор о взаимопомощи не был бы подписан, Гитлер одержал бы полную победу, и наглость Германии не имела бы границ. Провал советско-французских переговоров неизбежно вызвал бы тяготение Дунайских правительств к Берлину²⁰.

Титулеску зашел настолько далеко, что сказал: «Малые страны должны определиться, в каком они лагере: вместе с фашистами или в “коллективной безопасности”?» Он, как оказалось, симпатизировал последнему варианту и обсуждал договор о взаимной безопасности с Литвиновым и даже советовал румынскому королю Каролю согласиться на его подписание. Но у него была своя задача: сохранить за Румынией Бессарабию, которая была отнята в 1918 г. у слабой тогда Советской России. В случае военного

¹⁸ АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 113, л. 184; DDF, 1er, X, 361–362; АВП РФ, ф. 0136, оп. 19, п. 164, д. 814, л. 106.

¹⁹ Политбюро ЦК РКП(б)..., с. 326.

²⁰ АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 113, д. 122, л. 163–166.

сотрудничества и продвижения советских войск через Бессарабию Красная Армия покинет ее по первому же требованию Бухареста, и этот факт, как заверил его Литвинов, де-факто будет признанием суверенитета над данной территорией. Однако румынский дипломат потребовал вначале юридически оформить права Румынии на Бессарабию, а затем рассматривать вопрос о прохождении советских войск для помощи Чехословакии. Тем самым возможный советско-румынский договор, как и пакт с Чехословакией, не рассматривал Польшу в качестве потенциального агрессора²¹.

Подобно французской и чехословацкой сторонам, Титулеску обещал лишь частично выполнить требования советской стороны и требовал от нее полного исполнения своих. Как он сказал: “Наше географическое положение по отношению к Советам заставляет нас принимать всерьез русскую реальность также, как мы всегда серьезно рассматривали германскую реальность. Сколько бы времени ни шел обмен мнениями между высшими советскими политиками, наша позиция состоит в том, что мы не можем ни принять, ни отвергнуть идею договора о взаимопомощи с Советами”. Титулеску также посетовал Литвинову на то, что поляки давят на него. Варшава решила, что румыно-советское военное соглашение идет вразрез с румыно-польским договором от 1920 г., который был направлен против Москвы²². Поэтому у самого Титулеску имелись проблемы. По его словам, Польша и Лаваль не меньше короля Кароля желали “сломать ему шею” (“mon cou sera cassé par mes alliés”). Когда советско-румынские дискуссии о возможности прохождения Красной Армии могли стать достоянием гласности, Литвинов согласился с предложением Титулеску дать опровержение, чтобы унять “болтовню” в румынской прессе. Более того, правые политики были очень влиятельны, и Титулеску (по замечанию Альфана, которое он высказал советским представителям) был единственным, кто мог не допустить сдвига во внешней политике Румынии²³.

В то же время Лаваль предложил как можно быстрее ратифицировать договор о взаимопомощи, но не ранее, чем он вернется в Париж, где, как полагал Литвинов, Титулеску может быть причиной медлительности Кэ д’Орсе в отношении предложений советского наркома²⁴. Таким образом, Сталин и его окружение имели дополнительные причины сомневаться в своих предполагаемых “союзниках”.

Своеобразное резюме французского отношения к СССР было дано в форме политической карикатуры на страницах одной норвежской газеты. На ней изображен большевик в будёновке времен гражданской войны в России, хватающий белокурую невинную Марианну и увлекающий ее вместе с пажом в свадебную карету. “Вы довольны?” – спрашивает большевик. “Да, – отвечает Марианна, – и я была бы счастлива, если бы не ненавидела вас”²⁵.

Реакция Лондона на подобный “брак” также была далекой от оптимизма. Помощник британского министра иностранных дел О.Г. Сарджент полагал, что “в данном договоре о взаимопомощи именно Россия получила выгоды, а Франция взяла на себя практические обязательства. Раз так, то мы должны снять шляпы перед М. Литвиновым за его очень мудрую и успешную дипломатию, где он блефом и запугиваниями довел французов до паники и заключил выгодную только для себя сделку”²⁶. Действительно, договор был выгоден только для одной стороны, но отнюдь не так, как представлял себе Сарджент. Литвинов был “в ярости” из-за поведения Лавала, который “скорректировал” текст соглашения и несколько изменил его смысл, и отправил тому “сердечные поздравления” с подписанием документа лишь для того, чтобы избежать обострения ситуации.

²¹ Советско-румынские отношения: документы и материалы (далее: СРО). М., 2000, т. II, с. 18–19, 21–22; АВП РФ, ф. 0138, оп. 16, п. 122-а, д. 1, л. 30–31.

²² СРО, т. II, с. 24–25; АВП РФ, ф. 082, оп. 18, п. 80, д. 1, л. 69–71.

²³ СРО, т. II, с. 30–33, 39–44; АВП РФ, ф. 0136, оп. 19, п. 164, д. 814, л. 74–77.

²⁴ АВП РФ, ф. 0136, оп. 19, п. 164, д. 814, л. 96–99.

²⁵ MAÉ URSS/977, ff. 175–176.

²⁶ Sargent’s minute, 4 May 1935, C3613/55/18, FO [National Archives of the United Kingdom, Kew, Foreign Office] 371 18838.

Официальные лица с Кэ д'Орсе полагали, что только временное соглашение может оставить для них открытой дорогу в Берлин. Французский Генштаб возражал против углубления сотрудничества: Париж имел много союзных договоров с другими странами, и “не было особых причин” заключать еще один с Советским Союзом! Весьма интересное заявление для страны, которая остро нуждалась в мощных союзниках. Но французский генштаб не хотел дать Германии повод для ввода войск в демилитаризованную Рейнскую зону или Польшу, поддерживая гитлеровский тезис о “русской опасности”²⁷.

Беспокойство Сарджента, таким образом, не имело причин, хотя не все в его ведомстве разделяли это мнение. Постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. Ванситтарт полагал иначе. Но даже он отмечал, что Литвинов “помешан” на германской угрозе – этот упрек, по иронии судьбы, нередко звучал в адрес самого Ванситтарта²⁸. Более того, британское правительство по настоянию последнего в марте 1935 г. отправило в Москву лорда – хранителя печати Э. Идена. Его переговоры со Сталиным, Литвиновым и другими советскими руководителями, проходившие в атмосфере взаимного желания улучшить отношения, шли успешно. Однако на пути реализации советской идеи союза против нацистской Германии стояли различные трудности. Польша, имевшая немало претензий к своему восточному соседу, выражала неудовлетворенность итогами советско-польской войны 1919–1920 гг. В то время отношения между Варшавой и Прагой были весьма напряженными из-за того, что последняя не оказала помощи летом 1920 г. Польша играла важнейшую роль в осуществлении французской концепции “санитарного кордона”. Ей надлежало остановить большевизм и сменить Россию в роли противовеса Германии. Неожиданным ударом для франко-польских отношений стало подписание Польшей и нацистской Германией пакта о ненападении в январе 1934 г. Л. Барту, занимавший тогда пост министра иностранных дел, оценивал польско-немецкий пакт в мрачных тонах и даже был готов расторгнуть отношения с Польшей во имя сближения с СССР²⁹. Однако этого не произошло.

Как бы то ни было, Литвинов пытался улучшить отношения с Францией и с Польшей. Поэтому он встретился с польским министром иностранных дел Ю. Беком в середине февраля 1934 г., чтобы объяснить собеседнику позицию Москвы, как это часто бывало в 1930-х годах. Литвинов говорил, что гитлеровская Германия является угрозой европейской безопасности, которая в конечном итоге обернется против Речи Посполитой. Лучше верить тому, что написано в “Майн кампф”, чем успокаивающим речам Гитлера, призванным обезоружить его противников. “Не ошибитесь, – говорил Литвинов, – Гитлер склонен к войне и территориальной экспансии, и Польша обязательно станет его целью. Немецко-польский пакт – это тактический маневр, чтобы дать Гитлеру время для реализации среднесрочных задач”. Бек отвечал с обычной самоуверенностью, что Польша не является маленьким государством-однодневкой; его стране ничего не угрожает; в среднесрочной перспективе нет угрозы войны в Европе. Аналогичный разговор произошел у Литвинова с польским послом в Москве Ю. Лукасевичем, который заявил, что не может понять причин беспокойства Советского Союза в отношении нацистской Германии. В ответ советский нарком напомнил об уязвимости страны: “Когда же Польша делает какой-либо маленький шаг вперед, то она спешит немедленно вновь отступить назад”. Встречи между двумя дипломатами были особо напряженными в июне 1935 г., когда на них обсуждался вопрос о советско-чехословацком соглашении о взаимопомощи. Тогда Лукасевич спрашивал о намерениях сторон, ибо вследствие “географического положения” СССР договор как будто “висит в воздухе”. “Я ответил, –

²⁷ АВП РФ, ф. 0136, оп. 19, п. 164, д. 814, л. 106; МАЕ URSS/973, ff. 107–110; *ibid.* URSS/1004, ff. 172–174.

²⁸ Телеграмма французского посла в Лондоне Шарля Корбена № 110 от 8 февраля 1935 г. (МАЕ URSS/972, ff. 116–119).

²⁹ *Tabouis G. They Called Me Cassandra.* New York, 1942, p. 207.

писал Литвинов, – что география, очевидно, хорошо известна обеим странам и что, тем не менее, они нашли интересным для себя заключение пакта”³⁰.

Лукаевич был не так уж не прав, называя советско-чехословацкий договор “подвешенным в воздухе”. То же выражение использовал Бенеш, но по другой причине: правительства СССР и Чехословакии ратифицировали соглашение, но выполнить его было можно только при участии Франции, которая его не утвердила. Поэтому Бенеш согласился с тем, что давление на Лавала, даже если оно и оказывалось, не дало результатов³¹. Чехословакии приходилось теперь расплачиваться за былую одностороннюю ориентацию на Францию.

Почему же такой опытный политик, как Сталин, согласился принять весьма сомнительный договор с Прагой? Литвинов убедил его, что это был необходимый первый шаг для защиты Европы от нацистской Германии. Он говорил Сталину то же, что и зарубежным дипломатам: Гитлер продолжает бороться против всяких попыток организации коллективной безопасности, ибо в основе его политики остается, в соответствии с книгой “Майн кампф”, собиравание сил и подготовка к агрессии, в первую очередь на юго-восточном и восточном направлениях. При таком положении вещей нет оснований верить обещаниям Гитлера относительно разоружения. “Мы запрашиваем поэтому... и просим в переговорах с Германией избегать всего того, что Гитлер смог бы истолковать как согласие с его концепцией о делении Европы на участки, в которых должен или не должен быть обеспечен мир, чтобы было бы поощрением агрессии против той или иной части Европы”³².

Другими словами, мир был “неделим”: если он нарушался в одной части Европы, то же происходило на всем континенте. Отсюда возникала еще одна проблема: безопасность Чехословакии, ибо французский и британский кабинеты не были готовы принять этот принцип. Например, Сарджент возмущался попытками Литвинова сузить британские полномочия, как он это называл. По наблюдению помощника британского заместителя министра иностранных дел: “Настоящий оппонент, с которым нам приходится иметь дело, – это Литвинов, который будет крепко бороться за сохранение принципа одновременности во всей его полноте”³³. В Форин Офис и на набережной Кэ д’Орсе было сильно желание сотрудничать с нацистской Германией и не мешать ее экспансии на Восток.

Именно Англия первой начала сближение с Гитлером, подписав 18 июня 1935 г. морское соглашение, которое застало врасплох и Париж, и Москву. “Великобритания упустила очевидное преимущество, – отмечал И.М. Майский, – как жадный мальчишка, который украл со стола кусок пирога. В результате у него наверняка будет изжога”³⁴. По замечанию Литвинова, Англия сыграла на руку Гитлеру. Французы рассматривали действия Великобритании как предательство. Каждая из сторон оказалась предоставлена самой себе, и если безопасность Чехословакии следовало защищать, то это был еще один шаг в неверном направлении.

Между тем Лаваль отправил соглашение о взаимопомощи на рассмотрение в Национальную Ассамблею, где оно пролежало несколько месяцев без представления от имени правительства. По мнению В.П. Потёмкина, проволоочки были вызваны некими подспудными мыслями Лавала и боязнью протеста со стороны Германии³⁵. Литвинов заметил, что французский премьер мог использовать ратификацию договора как “kozyрь в переговорах с Германией”, а его нетерпеливость была показной. Когда Альфан встретился с Литвиновым, чтобы пожаловаться на недостаточно активное развитие

³⁰ АВП РФ, ф. 05, оп. 14, п. 95, д. 4, л. 53–63; оп. 15, п. 103, д. 1, л. 3–8, 65–67.

³¹ АВП РФ, ф. 082, оп. 15, п. 80, д. 1, л. 67–68.

³² АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 106, д. 30, л. 15–16.

³³ Sargent’s minutes, 19 Feb. & 3 June 1935, C1339/55/18, FO 371 18826; C4694/55/18, FO 371 18846.

³⁴ N6304/135/38, FO 371 19460.

³⁵ МАЕ URSS/978, ff. 195–197; АВП РФ, ф. 0136, оп. 19, п. 164, д. 814, л. 133–141.

культурных связей, советский нарком заявил, что был бы рад способствовать разрешению этой проблемы после ратификации пакта о взаимопомощи. Намекая на название театра “Комеди франсез”, он сказал, что не хочет превращать в комедию франко-советские отношения. Несколькими неделями позднее в Женеве он же выразил свое недовольство Лавалю, который зачитал документы о деятельности коммунистов во французских колониях. Таким образом французский лидер хотел отвлечь внимание советской стороны от европейской политики. Литвинову ситуация была “хорошо известна со времен Керзона”, как говорил он, вспоминая переговоры с неуживчивым британским министром иностранных дел в начале 1920-х. “Я полагал, – писал Литвинов, – что прошли те времена, когда Керзон и ему подобные могли утверждать, что не будь советского правительства, не было бы никакого недовольства и никаких и антиправительственных движений в Индии и других колониях”³⁶.

Даже некоторые чиновники Форин Офис признавали, что выпады советской “пропаганды” была верным знаком надвигающейся беды. “Придавая слишком много внимания статьям, манифестам, декларациям, пророчествам и прочему, что исходит от Москвы, – признавался один из сотрудников Форин Офис, – мы рискуем выглядеть так же нелепо, как и те, кто ответствен за эту пропаганду”³⁷. Советская “пропаганда” создавала трудности не только для Лавалья, но и для Литвинова. Ее корни – в деятельности Коммунистического Интернационала, который был создан в 1919 г. для распространения мировой революции и защиты Советской России от иностранной интервенции. После ее завершения и окончания гражданской войны в 1921 г. Коминтерн постепенно терял *raison d'être* как единственный инструмент советской внешней политики. Термин “пропаганда”, использовавшийся европейскими политиками, мог означать что угодно: агитацию во французских или британских колониях или Китае, статьи в советских газетах и даже плакаты на митингах 7 ноября. Пропагандой называлась также и публичная риторика советских лидеров по вопросам внутренней политики. Однако существовал другой язык, который использовался внутри наркомата иностранных дел, основанный на терминах реальной политики, военных и экономических расчетов. Общеупотребимый язык советской власти, обрамленный формулами из марксизма-ленинизма, противоречил “секретному языку” НКВД. Даже Литвинов на публике говорил “по-большевицки”, а в узком кругу – на языке *Realpolitik* 1920-х годов он часто критиковал агентов Коминтерна за то, что его “ораторы” вмешиваются в вопросы внешней политики и неподобающие (для публичной дискуссии) комментарии, которые наносят ущерб интересам СССР за рубежом. В 1935 г. он заявил: «Я очень опасаясь, что на местах они будут выходить за пределы “информирования” и заниматься агитацией и пропагандой, что может создать для нас международные осложнения». Тем самым он призывал держать функционеров Коминтерна на коротком поводке. Иностранные дипломаты порой констатировали презрение наркома к Коминтерну. Перефразируя слова из советской песни, он предпочел бы один советский трактор десяти коммунистам-иностранцам. Даже Сталин отмечал равнодушие главы советской дипломатии к “революционным” взглядам³⁸.

В середине 1930-х годов Коминтерн боролся за “коллективную безопасность” и поддерживал левоцентристские политические коалиции (Народные фронты) во Франции и Испании. Однако вместо улучшения отношений СССР с западными державами произошло обратное. Сам Лаваль отмечал, что вхождение в Народный фронт – это деюре признание коммунистов³⁹. По его мнению, подобные коалиции превратили последних в грозных политических соперников, добившихся некоторых успехов на выборах,

³⁶ АВП РФ, оп. 19, п. 164, л. 7–13, 17–18; оп. 16, п. 154, д. 730, л. 13–15.

³⁷ N2418/22/38, FO 371 16319.

³⁸ АВП РФ, ф. 05, оп. 6, д. 89, п. 21, л. 7–12; Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 359, оп. 1, д. 7, л. 95; АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 113, д. 122, л. 110; N1404/75/38, FO 371 14860; C4517/18/17, FO 371 20686; *Stalin's Letters to Molotov, 1925–1936*. New Haven, 1995, p. 174–175.

³⁹ АВП РФ, ф. 0136, оп. 20, п. 167, д. 828, л. 11–27.

что усилило нападки на советскую “пропаганду”, непричастную к успехам ФКП. Атаки на советский агитпроп усилились после того, как западные дипломаты попросили Сталина оставить революционные призывы, чего тот не мог сделать.

К осени 1935 г. отношения между Парижем и Москвой резко ухудшились. “Антисоветская роль Лавалья, – говорил Литвинов, – выясняется все больше и больше”. Ратификация многостороннего договора о взаимопомощи, несмотря на соответствующее заявление Лавалья, сделанное Титулеску, уже в ноябре было под сомнением из-за развязанной против того кампании в правоконсервативной прессе. Несколько позднее советский нарком узнал, как в беседе с югославским премьер-министром его коллега сказал, что франко-советский пакт мертв. “Он не скрывает ни от нас, ни от других, – заметил Литвинов, – что ведет зондажные переговоры с немцами, добиваясь гарантий для Чехословакии. Такая гарантия означает свободу действий Германии на Востоке”⁴⁰. В действительности Лаваль не хотел привлекать немцев и поручил послу в Берлине А. Франсуа-Понсе договориться о встрече с Гитлером. Литвинов сказал французскому послу в Москве, что из этого вряд ли что-то выйдет, кроме подрыва репутации премьер-министра. Альфан ответил, что, к сожалению, франко-советские отношения находятся в зависимости от внутренних проблем Третьей республики. Сообщения о деятельности советской пропаганды во французских колониях стали достоянием гласности в связи с недавними выборами в сенат. По мнению правых партий, правительственная коалиция с коммунистами не сможет удержать власть, не эксплуатируя страх перед беспорядками, намекая на Народный фронт, созданный для выборов 1936 г.⁴¹ Постоянный заместитель британского госсекретаря Ванситтарт заявил Майскому, что “флирт Лавалья с Германией” приведет в никуда, Франсуа-Понсе также критиковал Лавалья за то, что он отдаляет от Франции потенциальных союзников⁴².

Напротив, слова французского премьер-министра в разговоре с Потёмкиным шли вразрез с другими источниками Москвы. Глава правительства сообщил полпреду о беседах Франсуа-Понсе с Гитлером. Если верить Лавалю, и Франция, и Германия желали улучшить отношения, но, к несчастью, на их пути стоял франко-советский пакт. Это звучало как “Лаваль старался психологически подготовить нас к отказу от пакта о взаимной помощи” (“trying to prepare us for the rejection of the pact”). Потёмкин полагал, что Лаваль в данном случае опустил до шантажа: либо Москва прекратит поддерживать проводившуюся Народным фронтом кампанию против него (премьер-министр полагал, что для этого Сталину надо сказать лишь одно слово), либо договор не будет ратифицирован. Читатель, который сомневается в истинности слов Потёмкина, может сравнить его мнение с тем, что говорили Лаваль и Франсуа-Понсе своим немецким собеседникам. “Как вы думаете, когда нам обмануть большевиков: сегодня или завтра?” – шутил Лаваль с немецким послом в Париже⁴³. Не были ли эти слова прологом будущего немецкого вторжения? Неизвестно. Но, как бы то ни было, Литвинов сделал правильный вывод: “Лаваль уже показал нам, как легко превратить в клочок бумаги даже пакт о взаимной помощи”. Как ранее заявил советский нарком французскому журналисту, “Сталин... разочарован моральной слабостью французской политики”⁴⁴. Французы могли возразить, что он не имел права читать им нотацию о “моральности” в политике, но он, как и многие другие, лишь отразил свое ощущение слабости и ненадежности Франции как союзника. Это подозрение основывалось не на идеологических предпочтениях советского лидера, а на опыте отношений с Третьей республикой.

⁴⁰ АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 106, д. 16, л. 35–37; СРО, т. II, с. 34–38.

⁴¹ АВП РФ, ф. 0136, оп. 19, п. 164, д. 814, л. 2–3, 4–6.

⁴² АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 106, д. 30, л. 33; ф. 082, оп. 18, п. 80, д. 1, л. 100–101.

⁴³ АВП РФ, ф. 0136, оп. 19, д. 814, п. 164, л. 119–122; DGFP, ser. C, v. 4, p. 255–256, 493–496, 925–926.

⁴⁴ СРО, т. II, с. 58–59; Robert Coulondre, французский посол в Москве, no. 20, 8 janv. 1937, MAÉ, Bureau du chiffre, télégrammes à l'arrivée de Moscou, 1937.

Тем не менее, хотя Москву один за другим покидали ее западные партнеры, советское руководство не отказывалось от антигерманского союза. Литвинов попытался улучшить отношения с США. В ноябре 1933 г. он прибыл в Вашингтон, чтобы рассеять старые обиды и очертить перспективы будущего сотрудничества, заключив “джентльменское соглашение” с новым президентом США Ф. Рузвельтом. Но госдепартамент воспринял данное соглашение как нежеланного ребенка, который вскоре умер⁴⁵. Литвинов даже пытался включить в коалицию Италию, но имперские амбиции Бенито Муссолини в отношении Абиссинии спутали все карты. В планах Литвинова по формированию и активизации антигерманского сопротивления фигурировала также Лига Наций⁴⁶. Поэтому секретные переговоры французского премьера и британским министром иностранных дел об уступке Муссолини большей части Абиссинии в декабре 1935 г. вызвало возмущение советского наркома: Лаваль “показал себя упорным врагом всей системы коллективной безопасности, в том числе и Лиги Наций... если он останется у власти хотя бы до выборов, то от прежней внешней политики Франции не останется и следа”⁴⁷.

Январь 1936 г. принес Литвинову хорошую новость: Лавалю пришлось уйти в отставку после появления в прессе сведений о переговорах касательно северной Эфиопии. По иронии судьбы, в этих переговорах мог принять участие и Литвинов, если бы они не ослабляли Лигу или коалицию, которую тот пытался создать. Отсутствие Лавалья, как полагал Литвинов, поможет улучшить франко-советские отношения, ведь Национальная ассамблея, несмотря на сильные критические замечания из Палаты депутатов и Сената, все же ратифицировала договор с СССР в феврале – марте 1936 г.

Дискуссия была ожесточенной, и Литвинов полагал, что советская пресса должна показать угрозу для Франции, процитировав “Майн кампф”, где та названа “традиционным врагом Германии”, где говорилось, что последняя будет мстить всем своим соседям: и Франции, и (в особенности) Чехословакии. Литвинов также пытался получить от Сталина согласие на то, чтобы предупредить французского премьер-министра о позиции Советского Союза в отношении “необоснованных нападков” со стороны Палаты депутатов, и в то же время просил руководство Коминтерна увеличить финансирование французской социалистической прессы. Это было надежным индикатором намерений СССР, ибо Москва не собиралась тратить золото понапрасну. Пытаясь “пробудить” французов, нарком опасался, что Гитлер, если узнает о советских корнях левых французских изданий, непременно воспользуется этой возможностью против СССР⁴⁸.

Поэтому отставка Лавалья никому не принесла облегчения. Антигерманский союз, который пытался создать Советский Союз, не интересовал его западных партнеров. Великобритания вскоре отказалась от этой идеи. В декабре 1935 г. британским министром иностранных дел стал А. Иден. В Москве это полагали хорошей новостью, поскольку Литвинов считал его сторонником сближения с Москвой. Но Иден отнюдь не был другом СССР. В феврале 1936 г. он остановил улучшение англо-советских отношений. Московская пресса необдуманно (как оказалось позднее), опубликовала статью об условиях жизни британских рабочих. Иден пришел в ярость: “Автор этой статьи пытается убедить меня, что мы должны держаться от Майского и его правительства на расстоянии вытянутой руки. Мы хотели бы улучшить наши отношения, но любое улучшение отношений с правительством, которое так поступает, совершенно неприемлемо”⁴⁹. В статье говорилось о сильных антикоммунистических настроениях британской элиты

⁴⁵ Советско-американские отношения: годы непризнания, 1927–1933. М., 2002, с. 748–749. См. также различные документы в сб. “Советско-американские отношения, 1934–1939” (М., 2003).

⁴⁶ АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 108, д. 47, л. 32–33; оп. 103, д. 1, л. 95–96.

⁴⁷ АВП РФ, ф. 0136, оп. 19, п. 164, д. 814, л. 82–83.

⁴⁸ Там же, ф. 05, оп. 16, п. 114, д. 1, л. 31–32, 43, 56–60; ДВП, т. XIX, с. 98–99; АВП РФ, ф. 05, оп. 16, п. 118, д. 44, л. 19–21.

⁴⁹ N880/20/38, FO 371 20339; *Carley M.J. A Fearful Concatenation of Circumstances: The Anglo-Soviet Rapprochement, 1934–1936. – Contemporary European History, v. 5, no. 1 (1996), p. 29–69.*

и слабости англо-советского сближения. Эти слова, наверное, имели под собой почву, если какая-то необдуманная публикация в советской газете, написанная на русском языке, оказала такое воздействие на Идена, который встречался со Сталиным всего 11 месяцев назад.

В Москве поначалу не замечали перемен в английской дипломатии, но вскоре советскому правительству пришлось столкнуться с другими проблемами. 7 марта 1936 г. Гитлер ввел войска в Рейнскую область, на что Париж и Лондон отреагировали только выражением протеста. Помнил кто-либо на Кэ д'Орсе о предложенных Литвиновым ранее гарантиях безопасности демилитаризованной Рейнской зоны? Мандель, который стал регулярным информатором советского полпредства, говорил, что на грядущих выборах в парламент никто из кандидатов не сможет занять твердую позицию в отношении Германии. Эррио полагал, что коммунисты и социалисты, возможно, завоюют места, равно как и правые. Он говорил, что его соперник из Радикальной партии Э. Даладьё может сформировать кабинет. Он предупреждал и Потёмкина, что Даладьё в глубине души не любит коммунистов и разделяет “германофильство” Лавалья. Для Эррио прогерманская ориентация не имела смысла: европейскую безопасность можно гарантировать только союзом Парижа, Москвы и Лондона. Без него невозможно обеспечить мир. Проблемой, по мнению Литвинова, была “дряблость” Эррио, который не мог вести жесткую линию в отношении правых. Когда Народный фронт, как и говорил Эррио, все же выиграл весенние выборы, Литвинов обеспокоился, чтобы успехи левых (особенно Французской коммунистической партии) не спровоцировали движение к фашизму⁵⁰. Ничто не предвещало краха коллективной безопасности и падения Чехословакии.

Худшее было впереди. 17 июля против правительства испанского Народного фронта начался вооруженный мятеж, который вскоре возглавил генерал Ф. Франко. Так началась кровавая гражданская война, которая продлилась до марта 1939 г. Это была борьба идеологий: правые против левых, фашисты против коммунистов. Британский кабинет опасался распространения коммунизма в Испании, а затем – во Франции, где у власти также находился Народный фронт. Новоизбранное правительство под руководством Л. Блюма могло придти на помощь испанским “республиканцам”, что и было его первым побуждением. Но Блюм опасался, что и во Франции разразится гражданская война. Поэтому Великобритания и Франция перешли к политике “невмешательства” в то время как фашистская Италия и нацистская Германия активно вмешались и поддержали Франко.

Единственной проблемой для западных демократий была в этом вопросе позиция СССР. Как и победу Народного фронта во Франции, Литвинов рассматривал гражданскую войну в Испании как угрозу “коллективной безопасности”. Он потерял последнюю надежду заручиться союзными отношениями (подобными тем, что были с Великобританией и Францией) с Италией. Литвинов пытался проводить осторожный курс, принимая англо-французскую политику невмешательства и соглашаясь войти в состав комитета по невмешательству, чтобы воспрепятствовать проникновению в Испанию иностранных солдат и оружия, приток которых подогревал конфликт. Конечно, как вскоре признался сам Литвинов, невмешательство было фарсом, поскольку Германия и Италия помогали “националистам”.

Политика “невмешательства” вызвала у Сталина протест, и он приказал направить в Испанию оружие, снаряжение и военных советников, чтобы помочь Мадриду победить “фашистских мятежников”. Это породило недовольство в Париже и Лондоне, которые не хотели распространения коммунистической революции на Испанию. Генеральный секретарь французского МИД А. Леже угрожал советскому поверенному в делах расторжением недавно ратифицированного договора о взаимопомощи, если Москва будет продолжать активно вмешиваться в события в Испании. Неизвестно, был это блеф или нет, но Литвинова стало беспокоить развитие событий, и в сентябре, он добился санкции

⁵⁰ АВП РФ, ф. 0136, оп. 20, п. 167, д. 828, л. 79–84; ф. 0136, оп. 20, п. 167, д. 828, л. 84–79, 120–124.

Сталина на проведение нескольких демаршей с целью укрепить коллективную безопасность. Осенью он также попытался придать советской политике на Пиренеях менее активный характер. Но эта попытка встретила отпор и в Москве, и в Лондоне (со стороны Майского). На шести встречах со Сталиным на рубеже октября – ноября Литвинов пытался убедить генсека в том, что советские поставки оружия в Испанию привели к возникновению неустойчивого равновесия, которое могли легко нарушить Германия и Италия, находившиеся в более благоприятных условиях. Дальнейшее вмешательство и попытка закрепить баланс сил может только спровоцировать контрмеры с противной стороны. Советский Союз не может этого допустить. Москва, не имевшая средиземноморского флота, вдали от сухопутных границ Испании, не в силах “изменить этого положения до тех пор, пока Англия и Франция остаются в стороне”⁵¹. Гражданская война в Испании не затрагивала напрямую границ Чехословакии. Однако если бы франко-советские отношения и далее ухудшались из-за вмешательства СССР в дела на Пиренеях, последствия для Праги были бы катастрофическими.

В первые месяцы разразившейся в Испании войны пришла еще одна плохая новость, которая осталась почти незамеченной. Из-за политических интриг и критики за просоветскую политику в конце августа 1936 г. ушел в отставку румынский министр иностранных дел Титулеску. В начале года он продолжал обсуждать советско-румынский договор о взаимопомощи с полпредом СССР в Бухаресте М.С. Островским, но не смог прийти к соглашению о том, что делать, если Великобритания и Франция не войдут в договор о коллективной безопасности. Падение Титулеску было еще одним ударом по политике Литвинова и безопасности Чехословакии, которая вызвала новые опасения в Москве⁵².

Обеспокоенность проявляли и французы. В сентябре министр иностранных дел Третьей республики И. Дельбос встретился с преемником Титулеску, Виктором Антонеску в Женеве, чтобы получить представление о будущих направлениях румынской дипломатии. По словам Дельбоса, у него сложилось впечатление, что Литвинов согласен де-юре признать суверенитет Румынии над Бессарабией в обмен на договор, который предоставит Красной Армии возможность прохода по румынской территории в случае немецкой агрессии против Чехословакии. Антонеску ответил уклончиво: вопрос носит “очень деликатный” характер и должен решаться королем и премьер-министром. Присутствовавший на встрече Поль-Бонкур упрекнул своего коллегу: “Румыния хочет получить всё, но не хочет ничего отдать взамен”. Дельбос объяснил, что он убедил Литвинова смягчить позицию по Бессарабии, но только в обмен на указанное соглашение о праве прохода, иначе невозможно будет исполнить договор о взаимопомощи с Чехословакией. Как объяснил ему Антонеску, Румыния не пойдет на соглашение, если “заранее не получит эффективной поддержки” со стороны Франции. Что же до отношений с СССР, общественное мнение стало “более антикоммунистическим и враждебным к союзу с Советами”. Свою обеспокоенность ростом антисоветских настроений в Румынии выразил своему французскому коллеге также советский полпред Островский. Гражданская война в Испании и победа Народного фронта во Франции, как заявлял румынский посланник в Москве, даже в Бухаресте вызвали опасения касательно распространения коммунизма. Улучшение отношений с Советским Союзом всегда вызывало огонь критики со стороны румынских правых, которые (вместе с фашистскими движениями) набирали силу⁵³. Литвинов попытался развеять эти опасения, убеждая Леже и

⁵¹ АВП РФ, ф. 05, оп. 16, п. 116, д. 22, л. 38–39; На приеме у Сталина, с. 191–193; *Carley M.J. Caught in a Cleft-Stick: Soviet Diplomacy and the Spanish Civil War. – The International Context of the Spanish Civil War. Cambridge, 2009, p. 151–180.*

⁵² DDF, 2^e, t. III, p. 329–331.

⁵³ AMAE (Arhiva Ministerului Afacerilor Externe, Bucharest), fond 71 (1920–1944), URSS, v. 84, ff. 4–5; DDF, 2^e, t. III, 552–553, 570–571; СРО, т. II, с. 110–111; также я хотел бы поблагодарить свою помощницу Елену Лавинию Попику, которая нашла и перевела для меня ряд румынских документов.

других чиновников с Кэ д'Орсе и в Лондоне, что Советский Союз не заинтересован в распространении большевизма в Испании, где он фактически вел борьбу против радикализма. В ноябре с французскими дипломатами встречался Потёмкин, чтобы обсудить вопрос о переговорах между генеральными штабами. Он поделился с Дельбосом сведениями от советского военного атташе в Берлине о слабости французской обороны под Страсбургом. По его наблюдению Чехословакия и Франция уязвимы при нападении немцев, и “сама Франция также отнюдь не может чувствовать себя в безопасности”. Когда Дельбос ответил, что он передаст сведения об уязвимых местах французской обороны, Потёмкин сказал, что следует подумать не только об обороне, но также о более активных действиях, чтобы не исключить возможность нападения Германии на Чехословакию. Как сказал советский дипломат, Германия готовилась к войне и пыталась устрашить союзников Франции, чтобы деморализовать и разбить их поодиночке. Об этом же говорил Титулеску. Он указал на очевидное: отсутствие общей франко-советской границы и необходимость переговоров начальников штабов обеих стран для “серьезной технической проработки” военного взаимодействия двух стран⁵⁴.

Действительно, существовали “серьезные технические проблемы”, но куда более серьезными были политические противоречия. Они возрастали в силу продолжающегося сопротивления внутри правительства и генштаба. Блюм, как и министр авиации, выступали за продолжение переговоров, но Даладьё, начальник Генерального штаба генерал М. Гамелен и другие были против. Более того, политическая атмосфера во Франции была очень напряженной, спровоцированной опасениями войны и революции, исходивших от правых партий. Эти опасения усилились ввиду поддержки испанского республиканского правительства французскими коммунистами.

Проблема заключалась не только в Даладьё и Гамелене. Литвинов предупреждал Потёмкина – не слишком торопиться с переговорами штабов. “Авторитетные товарищи здесь, – говорил он, имея в виду Сталина и его ближайшее окружение, – не интересуются этой поездкой и тоже хотели бы ее оттянуть, но для нас было бы удобнее всего, чтобы оттяжка произошла по инициативе французозов... Мы также заинтересованы в том, чтобы приостановить прямые переговоры и не приступать к ним, пока не последует инициатива с французской стороны... Для вашего сведения сообщаю, что по имеющейся у нас абсолютно достоверной информации французская военная верхушка решительно настроена против франко-советского пакта и открыто об этом говорит”⁵⁵. Говоря о ярых критиках, Литвинов имел в виду генерала А. Жиро, но вместе с ним можно было бы упомянуть генералов Гамелена, Жеродьюса, Жоржа, Швейгута и прочих. Они опасались коммунистической пропаганды в армии, всеобщих забастовок, городских восстаний и других ужасов. Литвинов был лаконичен и, вероятно, уже прочел перехваченное сообщение британского военного атташе в Париже Ф. Бомон-Несбитта, в котором говорилось об открытой критике франко-советского соглашения генералом Жиро⁵⁶.

Во французском правительстве, несмотря ни на что, предпринимались попытки продвинуться вперед. В декабре 1936 г. Блюм сообщил Потёмкину, что состоялась очередная встреча Гамелена и министров. Ее “предметом обсуждения был вопрос о возрастающей опасности войны со стороны Германии и о мерах, которые необходимо принять в виду надвигающегося вооруженного конфликта”. “Было признано, что наиболее угрожаемым местом в Европе является Чехословакия, – сказал Блюм. – Решено было, что нужно, не теряя времени, выработать конкретный план ее защиты”. Франция должна мобилизовать силы и отправить помощь, чтобы усилить чешскую ПВО. В этой связи было важным знать, будет ли Советский Союз в полной мере исполнять свои обязательства по отношению к Чехословакии. Ключевым здесь, заключили политики, является координация военных действий трех стран. Это хорошо звучало, но продвинулись

⁵⁴ АВП РФ, ф. 0136, оп. 20, п. 167, д. 828, л. 172–175.

⁵⁵ Там же, л. 23–24.

⁵⁶ “Notes on the Attitude of the French General Staff towards the Franco-Soviet Pact”, F. G. Beaumont Nesbitt (октябрь, точнее не датировано), C7262/92/62, FO 371 19880.

ли переговоры военных? “Относительно Даладье, – сообщал Потёмкин в НКВД, – сам Блюм мне говорил в последний раз, что этот человек нам глубоко враждебен и что рассчитывать на него нам не приходится”⁵⁷.

Осторожность стала главным правилом в Москве, хотя в начале 1937 г. состоялись консультации между советским военным атташе в Париже и руководством французского Генерального штаба. Даладье и его подчиненные придерживались тактики проволочек, стараясь при этом не задевать Москву⁵⁸. Блюм и министр авиации Кот продолжали искать возможность, чтобы преодолеть сопротивление, но в мае они столкнулись с сопротивлением Лондона, где Иден встал между Дельбосом и Леже, чтобы заблокировать переговоры. Французы защищались, называя свою политику “половиной пути домой”: не обидеть СССР и подготовить улучшение его отношений с Германией. Иден был настроен более критически: “Для многих из тех, кто не желал и опасался советского влияния в Европе, углубление франко-русского взаимодействия воспринималось как серьезное ограничение свободы действий французского правительства в европейских делах”. Комментарий Идена интересен, если учесть, что англичане сами пытались сузить “свободу действий” Франции – о чем им уже говорил Потёмкин. Иден также не желал разрыва отношений с Берлином и хотел создать новое соглашение, “западное Локарно” – как раз то, чего опасался Литвинов. В заключение, когда дело коснулось обороны Чехословакии – “важнейшей французской цели” – Дельбос заявил: “Мы не оставим Чехословакию. Мы не можем сделать этого, если только не исчезнем из Европы как первая по мощи европейская держава”. Это пророчество оказалось верным, но вмешательство Идена не прошло безрезультатно: французский посол в Лондоне в мае отправил телеграмму в Кэ д’Орсе, в которой советовал французскому правительству “свести к минимуму возможность развития франко-советского договора”⁵⁹.

Британское вмешательство во франко-советские отношения было еще одним ударом по безопасности Чехословакии, но Сталин оценил его по-своему. В июне он обратил внимание на высшее командование вооруженных сил, где после судебных процессов были расстреляны многие высшие офицеры. В Британии и Франции, где несколько не огорчились из-за исчезновения многих старых большевиков годом ранее, на казни военачальников смотрели с беспокойством. Однако официальная реакция была иронической, поскольку обе страны и до чисток не желали тесно сотрудничать с Красной Армией. Теперь же появился подходящий повод, чтобы отменить переговоры генеральных штабов. Анализируя уроки прошлого, личный секретарь Леже Э. де Круа-Шанель в отношении договора о взаимопомощи говорил: «Даже до казней советских генералов... у французского правительства никогда не было желания ограничить свою дипломатию какими-либо даже самыми малыми обязательствами... Единственно ценным для Франции в этом договоре был пункт, что Красная Армия “может перейти в наступление от своих границ, чтобы помочь Чехословакии в случае нападения Германии”⁶⁰. Эти слова выглядят насмешкой над французской армией (не говоря уже об английской), которые не имели боеспособных (по европейским меркам) подразделений и планов “наступление от своих границ”, чтобы помочь чехам или СССР. Круа спекулировал на слабости Франции по сравнению с Советским Союзом. Как тогда они смогут ответить подобающим образом на советское наступление? Было еще немало вопросов, которые задавала советская сторона, а французская, как всегда, игнорировала. Тем самым франко-советские отношения, говоря словами поэта, были комедией, в которой за пеленой юмора скрывалась трагедия.

⁵⁷ АВП РФ, ф. 0136, оп. 20, п. 167, д. 828, л. 185–189.

⁵⁸ АВП РФ, оп. 21, п. 169, д. 837, л. 13–14; Archives nationales, Paris, entrées du 8 févr. et du 8 mars 1937, Papiers Schweisguth, 351AP/3.

⁵⁹ ДВП, т. XIX, с. 428–429; C3620/532/38, FO 371 20702; C3685/532/62, ibid.; C3910/532/62, ibid. См.: *Jansen S. Pierre Cot. Un antifasciste radical*. Paris, 2002, p. 294–307; *Carley M.J. A Soviet Eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940. – Diplomacy & Statecraft*, v. 17, no. 2 (2006), p. 322–327.

⁶⁰ C8880/532/62, FO 371 20702.

Литвинов и Потёмкин знали, как сильно навредили чистки репутации Советского Союза на международной арене. Однако они не желали слушать злорадные комментарии французов, свернувших переговоры, как то было в начале 1937 г., ибо именно Даладье передал Потёмкину сведения о контактах высшего командования РККА с Германией⁶¹. Вмешательство Даладье в “загадку 1937 года” выглядит непонятным, если учесть его стойкое неприятие французских коммунистов и расширения советского влияния в Европе. Знал ли он, какие последствия будет иметь его передача данных “разведки” Потёмкину? Хотел ли он остановить поворот советской внешней политики или ожидал соответствующей реакции Сталина? Утверждать это наверняка нельзя, но очевидно, что курс Литвинова потерпел фиаско. Все участники возможной антигерманской коалиции отпали один за другим. Создавая союз против нацистского режима, он шел на большой риск, и приз в случае победы был бы достойным. Летом 1937 г. он уже не мог скрыть неудачу, слишком очевидную для Сталина. Ему не требовалось объяснений в духе марксистско-ленинской теории, чтобы понять: СССР не имел союзников и был уязвим перед лицом серьезной опасности.

Весной 1937 г. снова пришли плохие новости. Главой британского кабинета стал Н. Чемберлен, а правительство Блюма, просуществовавшее немногим более года, ушло в отставку. Чехословакия, сознавая ухудшение ситуации, оказалась перед необходимостью идти на соглашение с Германией, как и предсказывал Титулеску. “Не подлежит никакому сомнению, что Чехословакия находится на первой линии огня”, – говорил Литвинов. Великобритания давила на Бенеша, чтобы он решил “судетский вопрос” и не провоцировал Гитлера. Однако Прага не собиралась отказываться от договоров с СССР и Францией и отдавать Судеты⁶².

Если советское правительство не могло обойтись без публичной критики Лондона и Парижа, то последние, в свою очередь, не могли удержаться от антикоммунистических выпадов в адрес Москвы. Без каких-либо затруднений их можно было обнаружить во французской прессе и словах французских дипломатов во всех странах мира. Так, посол в Токио прославился пышными тирадами против советского режима. Даже Гамелен критиковал Народный фронт и прославлял Японию, ведущую борьбу с большевизмом⁶³. Напряженность в отношениях между Советским Союзом и Японией нарастала, и Литвинов не мог положительно относиться к французским генералам, которые открыто сочувствовали Токио. Французские послы в Москве выражали недовольство тоном советской прессы; Литвинов ответил тем же. Полуофициальная парижская газета “Тан” часто вызывала недовольство Кремля. Тому были две причины. Во-первых, источником ее финансирования зачастую было ведомство на Кэ д’Орсе. А во-вторых, она также получала “довольствие” (около 500 тысяч франков в год с начала 1920-х) из советского полпредства, пытавшегося таким образом снизить накал критики в адрес Москвы. Порой газета прекращала свои выступления против СССР, но не часто и ненадолго, и это было бесконечным источником раздражения обычно экономного Литвинова, которому приходилось бросать деньги на ветер.

Литвинов поднял этот вопрос в разговоре с Дельбосом в начале 1937 г., когда советское правительство все еще пыталось оживить переговоры между военными двух стран. Собеседник, хотя все знали истинное положение дел, отрицал, что “Тан” является полуофициальным изданием французского министерства иностранных дел. Конечно, Литвинов не мог сказать, что Советский Союз не получает каких-либо результатов от субсидирования “Тан”, или что советское посольство платит “довольствия” и другим газетам и журналистам, чтобы успокоить антисоветские выпады и содействовать франко-советскому пакту, и все безрезультатно. Надо отметить, что в подобной практике

⁶¹ АВП РФ, ф. 0136, оп. 21, п. 169, д. 837, л. 4–7; ф. 05, оп. 17, п. 135, д. 109, л. 35.

⁶² АВП РФ, ф. 0138, оп. 18, п. 126, д. 1, л. 28–31, 35–36.

⁶³ АВП РФ, ф. 05, оп. 17, п. 128, д. 24, л. 58–61; ф. 0136, оп. 21, п. 109, д. 839, л. 3–4.

советские дипломаты были не одиноки. Ходили слухи, что Германия и Италия за подобные услуги платят куда как больше⁶⁴.

Преемник Альфана на посту французского посла в Москве Р. Кулондр часто жаловался Литвинову на советскую “пропаганду”. Поводом для этого в ноябре 1937 г. была статья главы Коминтерна Г.М. Димитрова в связи с годовщиной Октябрьской революции 1917 г. во французском коммунистическом ежедневнике “Юманите”. Более того, ФКП отказалась от антивоенных лозунгов и стала выступать за укрепление обороны. Димитров же твердо поддерживал стратегию народных фронтов во Франции⁶⁵. Для французских правых Народный фронт был неприемлемым политическим объединением, благодаря которому ненавидимые ими коммунисты получили кредит доверия со стороны других политиков. С другой стороны, Димитров восхвалял ИККИ, особо активный в Испании – еще один повод для недовольства французских правых. Литвинов расценивал их критику как пустяк, который не заслуживает внимания по сравнению с открытой враждебностью правительства и прессы по отношению к Москве. Он также уделял внимание “длинному списку разочарований, которые политика коллективной безопасности принесла Советскому Союзу”⁶⁶. Парадоксально, но советское полпредство в Париже тратило большие суммы на поддержку системы коллективной безопасности, а не мировой революции. Литвинов удивлялся: что бы подумали англичане и французы, узнав, какие деньги тратит Италия на пропаганду против них. Советская разведка добыла “аутентичные документы”, в которых говорилось, что итальянские консульства в Дамаске, Бейруте, Каире, Александрии и всей Северной Африке тратят 12,5 млн. лир на подобную работу⁶⁷. Отсюда Литвинов делал выводы, что Франция и Великобритания, как и было в действительности, используют двойные стандарты в отношении к “пропаганде”.

Как видим, франко-советские отношения к концу 1937 г. были отнюдь не на высоте. В декабре Дельбос совершил поездку по всем восточноевропейским столицам за исключением Москвы. Высказывания французского дипломата в узком кругу легко становились известными Литвинову. Его французский коллега часто жаловался на “мнимое” (по словам советского наркома) вмешательство Коминтерна во внутренние дела Франции и при этом чернил договор о взаимопомощи с СССР. В Варшаве Дельбос вместо того, чтобы попытаться смягчить жесткую линию польской дипломатии, заигрывал с Бекком. Тем не менее Литвинов знал, что глава румынского внешнеполитического ведомства В. Антонеску в разговоре с французским коллегой жаловался на “пассивность” Англии и Франции. Он якобы заявил Дельбосу, что своими непрерывными уступками Германии и Италии Англия и Франция бесконечно увеличивают опасность войны, и он (также якобы) потребовал от Дельбоса, чтобы великие державы хотя бы раз сказали в конце концов решительное “нет” в ответ на итало-германские притязания. Если бы Лондон, Париж и Москва, образовав блок, заняли в Женеве твердую позицию, то, по мнению Антонеску, все малые и средние державы пошли бы за ними, и это значительно уменьшило бы опасность войны. К сожалению, французы были парализованы: “Дельбос всюду говорил, что Германия в первую очередь угрожает не Чехословакии, а Австрии”. Литвинов знал, что если Германия поглотит Австрию, то ее северные границы будут соприкасаться с Чехословакией, и та станет следующей жертвой. Он полагал, что приказ надавить на непокорных чехов, чтобы те уступили Судеты, Дельбос получил из Лондона, хотя Прага сопротивлялась. Литвинов опасался английского влияния

⁶⁴ *Carley M.J.* Episodes from the Early Cold War, Franco-Soviet Relations, 1917–1927. – *Europe-Asia Studies*, v. 57, no. 7, 2000, p. 1278; *Carley M.J.* Soviet Eye, p. 319–320; АВП РФ, ф. 0136, оп. 21, п. 169, д. 839, л. 12–19; оп. 20, п. 167, д. 828, л. 180–182; *Lacroix-Riz A.* Le choix de la défaite. Les élites françaises dans les années 1930. Paris, 2006, p. 173–178.

⁶⁵ *Vidal G.* Le PCF et la défense nationale à l'époque du Front populaire (1934–1939). – *Guerres mondiales et conflits contemporains*, № 215 (2004), p. 47–73.

⁶⁶ АВП РФ, ф. 0136, оп. 21, п. 169, д. 837, л. 19–22; DDF, 2e, t. VII, p. 433–435.

⁶⁷ АВП РФ, ф. 05, оп. 18, п. 140, д. 26, л. 1–4.

на Бенеша. Французы также знали: в декабре Леже заявил чешскому представителю в Париже, что британские заявления об обеспокоенности положением в Восточной Европе были не более чем пустой риторикой, и Англия, “само собой, пальцем не пошевелит для помощи СССР” Майский использовал то же самое выражение в своем дневнике. Не только Сталин чувствовал слабость Франции. Французская *cote d’amour* (цена любви), как заметил один румынский дипломат, не та, что была раньше⁶⁸.

Характер высказываний Антонеску, возможно, был сюрпризом для Москвы, поскольку Литвинов не считал того способным на самостоятельность. Титулеску принадлежат слова, что упорство – это nepозволительная роскошь для малых восточноевропейских стран, имевших опасных соседей. Титулеску, который был уже не у дел, говорил Майскому, что мир в Европе зависит от “мирного фронта” во главе с Британией, Францией и Советским Союзом. Очевидно, он мог говорить более свободно, не ощущая за своей спиной короля Кароля и румынских правых. Если “фронт мира” появится, говорил Титулеску, все будет хорошо. «Если же нет, ... придется пережить трагедию в двух актах: 1) первый акт – создание Германией “Серединной Европы”, 2) второй акт – разрушение Брит[анской империи] “Серединной Европой”. Англичане должны сделать выбор, и притом в срочном порядке»⁶⁹. В разговоре с советским послом бывший министр словно произносил проповедь перед новообращенными.

Комментарии Литвинова о французской политике были мягкими по сравнению с тем, что говорили новый полпред в Париже Я.З. Суриц и В.П. Потемкин, который вернулся в Москву на пост заместителя наркома иностранных дел. Суриц получал сведения от Мандела, Кота, П. Рейно и других французских политиков и журналистов. Удивительно, как свободно они говорили о французской внутренней и внешней политике. Мандель и Рейно побуждали советское правительство занять жесткую позицию в отношении Даладье, но Суриц не думал, что это будет полезно. Проблемы внутри французского кабинета и общества были очень глубоки. И Потемкин, и Суриц полагали, что Франция катится к фашизму и потеряет свой суверенитет⁷⁰.

Тем не менее в январе 1938 г. Литвинов все еще держал дверь открытой. Он писал Сурицу: “Общая директива: не высовываться вперед, не изображать из нас единственных поборников Лиги Наций, стремящихся изнасиловать другие государства, и занимать спокойную выжидательную позицию, поддерживая те предложения, которые идут в направлении нашей общей политики”⁷¹. Ждать и смотреть, что же произойдет – такова была новая линия Литвинова, несмотря на мрачные пророчества.

* * *

В начале 1938 г. Чехословакия находилась в опасном положении. Ее потенциальные союзники не могли договориться между собой. Франция и Великобритания не решались на какие-либо действия из-за боязни спровоцировать Гитлера. Попытки Литвинова сформировать антинацистский союз закончились неудачей. “Большой список разочарований” создал Литвинову образ наивного мечтателя, что грозило изоляцией СССР перед лицом нацистской Германии. Ему пришлось уйти в оборону. Он напомнил Майскому: “Я Вам еще в Женеве говорил, что мы занимаем сейчас выжидательную позицию по всем вопросам и свое сотрудничество никому навязывать не намерены”⁷². Собственно, тогда это была единственно приемлемая позиция.

В первых числах марта 1938 г. Литвинова посетил Кулондр. Выслушав его “длинную тираду” по поводу критики в адрес политики Франции и в ответ на нее напомнив послу о “международной пролетарской солидарности”, нарком подробно остановился на

⁶⁸ АВП РФ, ф. 0136, оп. 21, п. 169, д. 839, л. 53–58; ф. 05, оп. 17, п. 128, д. 24, л. 70–71, ДИМС, с. 19–20; *Майский И.М.* Дневник, кн. 1, с. 190–195; АМАЕ, fond 71/France, v. 3, fol. 6.

⁶⁹ *Майский И.М.* Дневник, кн. 1, с. 165.

⁷⁰ АВП РФ, ф. 011, оп. 1, п. 8, д. 76, л. 180–186; ф. 0136, оп. 21, п. 169, д. 839, л. 59–63.

⁷¹ АВП РФ, ф. 011, оп. 2, п. 17, д. 165, л. 10–12.

⁷² АВП РФ, ф. 05, оп. 18, п. 140, д. 26, л. 10–13.

каждой из претензий посла. Они не раз затрагивали эти темы, но на этот раз Литвинов не останавливался на деталях, отметив, что в них не было ничего нового. Правда, вне протокола он выразил желание о том, чтобы его коллеги реже говорили по этому поводу. Заставить их он не мог: одним из ораторов на эту тему был сам Сталин. “Если бы мы стали жаловаться на неприятные нам выступления во французском парламенте, то мы надоели бы”, – сказал Литвинов. Нет смысла валить с больной головы на здоровую. Необходимо сосредоточиться на действительно важных проблемах, “не надо забывать, что весь мир признает, что он находится, может быть, накануне войны”. Москва не “отказывается от сотрудничества с другими странами... эти страны все более враждебны нам, и отклоняют сотрудничество” с СССР. “Мы не меняли курс своей внешней политики, – отмечал Литвинов, – а вот влиятельные круги Франции и Великобритании продолжают нападки на СССР. Это мы не можем игнорировать. Также Англия, с которой мы не имеем никогда никаких споров и конфликтов... искала бы сближения с нами, если бы этому не мешала социальная вражда к нам господствующим классов”. Литвинов также напомнил: “С Францией у нас имеется еще больше общих политических интересов и общих врагов”, однако французский истеблишмент забыл об этом в пылу вражды. В отчете Кулондра, направленном в Париж, хотя и приглушалось раздражение Литвинова, как это бывало ранее, но не посол смог умолчать о той горечи, которую вызвал у советской стороны провал политики коллективной безопасности⁷³.

12 марта, на следующий день после встречи Кулондра и Литвинова, Гитлер без единого выстрела присоединил Австрию, где немецкие войска были встречены восторженными толпами. 15 марта чехословацкий посол в Москве З. Фирлингер встретился с Потемкиным, чтобы рассказать очевидное: аншлюс породил “серьезную угрозу” для Чехословакии. По его словам, французское правительство информировало Прагу об обещании немедленной помощи в случае немецкой агрессии. Потемкину такое развитие событий показалось сомнительным, так как позиция Франции целиком зависела от Великобритании, а та постоянно испытывала колебания. Фирлингер задал неизбежный вопрос: какова позиция СССР в данных обстоятельствах. Потемкин ответил, что вопрос во многом зависит от Франции. Если она, следуя условиям договора, “даст германскому агрессору прямой и действительный отпор, у Британии не будет иного выбора, кроме как последовать за ней”. “Что касается Советского Союза, то никто и никогда не мог еще упрекнуть его в уклонении от принятых им на себя международных обязательств”⁷⁴.

13 марта для Москвы блеснул луч надежды, когда Блюм и Поль-Бонкур, немало сделавшие для установления дружественных франко-советских отношений, сформировали новое правительство. Однако два дня спустя советский посол Суриц на приеме у Блюма обнаружил последнего “буквально в паническом состоянии”. Его, вне всяких сомнений, вызвала встреча с Даладье, министром обороны Гамеленом и другими военачальниками, которые заявили, что Франция ничем не может помочь Чехословакии, равно как и СССР. Эта неудача не остановила Поль-Бонкура: первым делом он информировал румынского посла о том, что Париж намерен начать переговоры с Бухарестом об условиях предоставления коридора для прохода Красной Армии⁷⁵.

17 марта Литвинов поставил вопрос о созыве международной конференции с целью обсудить возрастающую угрозу нацистской агрессии. Как он пояснил Майскому: “Я преследовал цель расшевелить немножко пацифистское общественное мнение, снять с нас ответственность за окончательный крах коллективной безопасности, несколько нейтрализовать вызванную процессом кампанию на тему о нашем ослаблении. Если, паче чаяния, общественному мнению удастся воздействовать на правительство Чемберлена в духе коллективного обсуждения европейской проблемы – тем лучше. Вы не

⁷³ АВП РФ, ф. 0136, оп. 22, п. 172, д. 863, л. 75–78; DDF, 2^e, t. VIII, p. 772–774; t. VII, p. 550–552.

⁷⁴ АВП РФ, ф. 0138, оп. 19, п. 128, д. 1, л. 13–15.

⁷⁵ ДВП, т. XXI, с. 126–127; DDF, 2^e, t. VIII, p. 824–831; AMAE, fond 71/France, v. 3, ff. 27–29.

должны добиваться этого в официальном порядке”. Это, по его мнению, могло помочь в определении позиции Великобритании⁷⁶.

Больше ничего не оставалось: британское и французское правительства отказались от советских предложений в силу уже традиционного пренебрежения к СССР. А. Кадоган, незадолго до этого занявший пост постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании вместо Ванситгарта, заметил, что советские заявления могут вызвать трудности в Палате общин: “Оппозиция заявит, что коллективная безопасность – это марш под знаменами храброго Литвинова”. “Цель русских, – продолжал он, – ускорить войну в Европе и запутать нас. Они не будут участвовать в активных действиях без выгоды для себя, поскольку, в конце концов (что весьма вероятно) надеются на мировую революцию. И раз уж это непосредственно касается нас, я думаю, нам необходимо только подтвердить получение [предложения Литвинова]. Если мы решимся на активные действия – поддадимся на блеф немцев, – мы можем надеяться на поддержку России в той или иной степени. Если же пойдем на поводу у Литвинова, я полагаю, что мы только ускорим начало конфликта”⁷⁷.

Очевидно, что оценка ситуации Кадоганом была далека от истины. Литвинов в конце марта писал полпреду в Праге Александровскому, что он не слишком рассчитывал на успех. Гитлер мог напасть на Чехословакию с трех направлений, а чехословацкий президент Бенеш под давлением мог сдаться и пойти на уступки, что привело бы его страну к гибели. “Во всяком случае, в теперешнем окружении Чехословакия долго существовать не может... Аншлюс уже обеспечивает Гитлеру гегемонию в Европе, независимо от дальнейшей судьбы Чехословакии”. Тем не менее Литвинов интересовался позицией Румынии в постоянно повторяющемся вопросе о “коридоре” для Красной Армии. По всей видимости, в Бухаресте также с беспокойством восприняли аншлюс. Но Литвинов сомневался, что король Кароль решится провоцировать Германию. Франция и Чехословакия настаивали на том, что Советский Союз должен внести свою лепту в вопрос обеспечения их безопасности путем официального отказа СССР от требований на Бессарабию в обмен на пропуск советских войск на территорию Румынии, как будто сотрудничество с Советским Союзом не было в интересах королевства.

По мнению Литвинова, его зарубежные коллеги сами должны были добиться этого права. Возможно, министр иностранных дел Поль-Бонкур пытался это сделать, не поставив Москву в известность. Советское правительство все еще готово было обсудить сотрудничество с Бухарестом, “но не ценою отказа от Бессарабии”. Румыния и прочие независимые государства центральной Европы должны были объединиться против Германии, ведь “разобщенные, они, конечно, будут подчинены германской феруле по одиночке”. Это был трезвый аргумент, однако новый румынский министр иностранных дел Н. Петреску-Комнен на встрече с Александровским по его пути в Москву в апреле сказал, что «Румыния как малая страна может вести лишь политику “ждать и наблюдать”»⁷⁸.

Литвинова раздражали французские нападки на советские вооруженные силы, ослабленные репрессиями, но он считал, что эти нападки еще обернутся против Франции, создав определенное настроение в Москве, которое будет неблагоприятно для удовлетворения разных ходатайств французского правительства. Литвинов даже рекомендовал Сурицу прекратить выплаты французской прессе, если в ближайшее время подобные статьи не исчезнут с газетных полос⁷⁹.

Однако наиболее сурово критиковал французскую политику Потемкин. В первых числах апреля 1938 г., когда Блюм был еще премьер-министром, советский дипломат говорил: “Несмотря на крайнюю напряженность международной обстановки, фран-

⁷⁶ АВП РФ, ф. 011, оп. 2, д. 17, п. 11, л. 28–29.

⁷⁷ Cadogan's minute, 17 March 1938, C1935/95/62, FO 371 21626.

⁷⁸ АВП РФ, ф. 05, оп. 18, д. 149, п. 166, л. 4–7; ф. 05, оп. 18, д. 148, п. 158, л. 15–19; ДВП, т. XXI, с. 96–97.

⁷⁹ АВП РФ, ф. 05, оп. 18, д. 148, п. 158, л. 34–36.

цузское правительство не изменяет своей позиции нерешительности, бездеятельности и легковерия перед лицом событий, создающих непосредственную угрозу для общего мира и прямую опасность для самой Франции. Ни захват Австрии Германией, ни критическое положение Чехословакии... ни появление новых германских и итальянских войск на самой испано-французской границе... не заставили французов встрепенуться, одуматься и что-либо предпринять, хотя бы для самозащиты... Как и раньше, не отрывают глаз от Англии, в которой видят единственную надежную защиту. По-старому не хотят понять, что первое же проявление решимости, твердости и независимости французской внешней политики, как это было при Луи Барту, могло бы немедленно образумить зарвавшихся агрессоров, напомнить Великобритании об опасности ее собственной изоляции и ободрить к борьбе за мир все здоровые силы демократической Европы". Вслед за Сурицем Потемкин говорил, что Франция если радикально не изменит курс, придет к "катастрофе". Что касается Чехословакии, то "в свете трусливой и пассивной внешней политики нынешнего французского правительства... Нечего и думать, чтобы французское правительство пришло на помощь своему союзнику".

Беспокоился Потемкин и по другим причинам – ведь, по его словам, "активную помощь Гитлеру против Чехословакии оказывает Польша". Даже французский посол в Берлине подтверждал соучастие Польши: Варшава намеревалась занять район Тешина и заселить его поляками в случае падения Чехословакии. Германия, по всей видимости, поощряла аппетиты Польши и толкала ее на конфликт с СССР. "Гитлер учитывает неизбежность разгрома Польши нашими войсками, – писал он. Когда мы займем некоторые области Польши, Германия сделает то же самое со своей стороны, фактически выполняя план Германии, Польша готовит себе четвертый раздел и утрату национальной независимости". Тем не менее в планы внешней политики СССР это не входило. Потемкин рекомендовал Сурицу задействовать свои связи в кругах французских журналистов и начать кампанию в прессе, "разъясняя изменническую роль Бека и судьбу, ожидающую Польшу, если она и дальше пойдет по пути, намеченному Гитлером". "Они играют с огнем, – делал вывод Потемкин, – так как в Польше также есть недовольные меньшинства".

8 апреля во Франции правительство Блюма сменил кабинет Даладьё. Представитель правых радикалов, Ж. Бонне сменил Поль-Бонкура на посту министра иностранных дел. Могли ли новости из Парижа быть хуже? "Я считаю Даладьё, и в особенности Бонне, менее расположенными к сотрудничеству с нами, чем даже Дельбоса", – писал Литвинов⁸⁰. Чехословацкий министр иностранных дел Камиль Крофта, тем не менее, считал, что Прага может рассчитывать на Францию и Британию. В Москве в это никто не верил, поэтому наркомат иностранных дел распорядился вывезти архив советского полпредства из Праги⁸¹. Потемкин предупреждал Фирлингера, что ключ к позиции Франции – в Британии: если Чемберлен станет убеждать Париж ничем не раздражать Германию, с которой Лондон собирался вести переговоры, "французы не посмеют занять в чехословацком вопросе самостоятельную позицию", Гитлер сразу это заметит и осознает свою безнаказанность. Фирлингер ответил, что Чехословакия будет отстаивать свою независимость с оружием в руках, хотя без поддержки Франции и СССР ее положение будет весьма тяжелым. Поэтому, когда Даладьё встретился с Чемберленом в конце апреля, Фирлингер испытывал воодушевление. Потемкину же исход этой встречи не казался predetermined: не было никаких "объективных данных", подтверждающих готовность Британии противостоять немецкой экспансии в Центральной и Юго-Восточной Европе. И это еще было мягко сказано: как узнал Литвинов, "Чемберлен с самого начала категорически заявил, что Англия не может гарантировать теперешний статус-кво Чехословакии" и после уступки Судет. Бенешу стало ясно, что потребуются еще большие жертвы. Война утрачивала смысл, по мнению Чемберлена, и ЧСР была бы уничтожена прежде, чем подоспеет любая помощь. Фирлингер ограничился замеча-

⁸⁰ АВП РФ, ф. 05, оп. 18, д. 140, п. 26, л. 22–24.

⁸¹ ДВП, т. XXI, с. 161–164; АВП РФ, ф. 0138, оп. 19, д. 128, п. 1, л. 23.

нием, что волей-неволей, чехословацкому правительству приходится маневрировать и выжидать⁸². Сведения, полученные Литвиновым, соответствовали истине. По мнению Бонне, Чехословакия была лоскутным одеялом, которое сшил Версальский договор. Она ничего не значила для Великобритании. “Никто не обязан умирать за то, чтобы ее защитить”⁸³.

6 мая Бонне через посредника отправил сообщение в Берлин о том, что французское правительство “решило похоронить” франко-советский пакт. Бонне и Даладьё не стали тратить время на объяснения с американцами, почему Чехословакии ничем нельзя помочь. У Франции больше не было козырей для политических игр, равно как и оружия для открытой конфронтации с Гитлером. Вступить в войну “означало бы для Франции не что иное, как поражение и раздел”. Именно поэтому “Франция не будет что-либо предпринимать” в случае германской агрессии против Чехословакии, как заявил вице-премьер К. Шотан. Пусть Великобритания принимает решения, а “Франция может только мутить воду”⁸⁴.

13 мая Бонне встретился в Женеве с Литвиновым и сообщил ему, что в ближайшие три месяца ситуация может существенно обостриться, и Франция объявит о мобилизации. Его интересовали действия СССР, учитывая, что Польша и Румыния не давали согласия на предоставление “коридора” для Красной Армии. “Советский Союз объявит мобилизацию? А что последует далее?” – постоянно спрашивали у него. Литвинов мог и сам ответить в том же духе. Бонне искал выход из сложившейся ситуации и надеялся, что СССР занят тем же. Однако Литвинов подробно разъяснил, что советское правительство не имело достаточного дипломатического влияния на пограничные государства, чтобы добиться права прохода по их территориям. Париж должен самостоятельно решить эту задачу. Он также заметил, что не считает себя достаточно компетентным в военных вопросах, но полагает, что необходимо организовать встречу с чехословацким и французским генеральными штабами. Литвинов указал Бонне на то, что о такой необходимости было известно еще с 1935 г., но Францию это почему-то не интересовало. Помимо Бонне Литвинов встречался с Галифаксом и Комненом. Первого он предостерегал от роковой ошибки – доверчивого отношения к обещаниям Гитлера и приняв их “за чистую монету”. Германскому диктатору не было дела до судетских немцев. Речь идет о завоевании земель, стратегических и экономических позиций в Европе. Британский дипломат выслушал доводы Литвинова и признал их убедительными, но не огласил их в Лондоне. Комнен, в свою очередь, придерживался мнения о необходимости провести консультации военных, но избегал разговора о конкретных действиях. В то же время, согласно французским источникам, он непреклонно отстаивал вместе с Бонне идею о необходимости запрета Румынией предоставления коридора для Красной Армии. Записи Комнена менее конкретны. Когда Бонне спросил, предоставит ли Румыния коридор Красной Армии, Комнен ответил: «Этот вопрос слишком важен для того, чтобы дать однозначный ответ, несмотря на то, что “общественное мнение” было “категорически” против этого. Если вы хотите, чтобы Румыния вас поддержала, Франция и Великобритания должны вернуть утраченные позиции в бассейне Дуная»⁸⁵. Румыния осторожничала, однако весной она “разрешила переброску по своей территории воздушной и боевой сухопутной техники, предназначенной для Чехословакии”⁸⁶.

Действия правительства Чехословакии в мае, казалось, оправдывали заявления Фирлингера Потемкину. 19–20 мая оказалось, что немецкие войска рассредоточились по границам Чехословакии, поэтому 21 мая Прага распорядилась о частичной моби-

⁸² АВП РФ, ф. 0138, оп. 19, д. 128, п. 1, л. 25–28; оп. 18, д. 140, п. 26, л. 32–33.

⁸³ FRUS, 1938, v. I, p. 500–504; University of Birmingham, N. Chamberlain Papers, NC18/1/1042, Chamberlain to his sister Ida, 20 March 1938.

⁸⁴ DGFP, D, v. II, p. 257–260; FRUS, 1938, v. I, p. 493–495, 500–504.

⁸⁵ ДВП, т. XXI, с. 262–263; АВП РФ, ф. 05, оп. 18, п. 149, д. 166, л. 11–13; FRUS, 1938, v. I, p. 500–504; DDF, 2^e, t. IX, p. 671–673; АМАЕ, фонд 71/URSS, v. 85, ff. 217–220.

⁸⁶ АМАЕ, фонд 71/Romania, v. 102, ff. 116, 170–171; ср.: *Ragsdale H. Op. cit.*, p. 83–86, 148.

лизации для организации сопротивления. Гитлер был в ярости и поклялся уничтожить чехословацкую государственность. Британцы и французы были застигнуты врасплох и встревожились из-за неожиданной перспективы войны. Английское министерство иностранных дел выслало инструкции своему послу в Берлине, чтобы рекомендовать немецкому правительству проявлять “умеренность”. Бонне выслал такие же инструкции, но не в Берлин, а в Прагу. Литвинов, наверное, тоже не ожидал столь стремительного развития событий, но 25 мая выразил Фирлингеру свое одобрение мерами, которые приняла Чехословакия⁸⁷.

Даладье пригласил немецкого посла на ужин, чтобы побеседовать “как солдат с солдатом”. Он рисовал ужасные картины войны: “орды казаков и монголов” вторгнутся в Европу. Даладье не вступил в союз с Чехословакией и “определенно не был этому рад”. Но “если Германия нападет на Чехословакию, французам придется вступить в бой, если они не хотят быть опозоренными”. Франция придерживалась одной линии поведения в отношениях с Германией, другой – с Америкой и третьей – с СССР⁸⁸.

Позднее Бонне пригласил польского консула, чтобы определиться с позицией Варшавы в случае военных действий на территории Чехословакии. Польский ответ звучал резко: чехословацкое государство нежизнеспособно и является средоточием коммунистов. Польша захватит Тешин, если Германия оккупирует Судетскую область. В июне Литвинов отдал распоряжение Сурицу: “Мы хотели бы знать заранее, сможет ли Франция, в случае нашего решения, помешать интервенции Польши”. Нарком предложил организовать “утечку” сведений в прессу, чтобы предостеречь поляков от опрометчивого шага. Даладье боялся польского удара в спину. Но Бонне на неделю отсрочил заявление о том, что Франция не будет считать себя связанной узлами договора, если польские войска вступят на территорию Чехословакии⁸⁹.

В первых числах июня Литвинов говорил, что “Гитлер... не будет затевать никаких авантур в Чехословакии”, а попытается “выжимать” Бенеша, выбивая максимальное количество уступок через британскую дипломатию. Существовало также мнение о нейтрализации чехословацкой проблемы по примеру Швейцарии, хотя Кулондр заявил, что Франции такой вариант не подходит. “Но мы ведь знаем, – возражал Литвинов не без сарказма, – что пределы французскому сопротивлению ставятся в Лондоне”⁹⁰. Эти наблюдения были точны; французы и британцы продолжали давить на Бенеша, выбивая из него уступки. Для этой цели в первых числах августа британцы отправили в Прагу бывшего министра лорда У. Рансимена.

Не испытывая оптимизма по поводу англо-французских отношений, Литвинов в июне отправил Александровскому сообщение с предупреждением о том, что не следует предпринимать какие-либо действия относительно Чехословакии прежде Франции. Другими словами, советская помощь Праге должна была оказываться сообразно с действиями Франции. “Мы, однако, считаем... что вопросы [о взаимной помощи] должны обсуждаться между представителями французского, чехословацкого и советского генеральных штабов. Напрашиваться мы с такими разговорами не будем, и вам не следует возбуждать вопрос, а лишь разъяснять вышесказанное в случае формального обращения к Вам”. Однако Литвинов не ограничивал Александровского в свободе действий: “При том бешеном нажиме, который производится на Чехословакию со стороны Англии и Франции, Вы, конечно, должны укреплять дух чехословаков и их сопротивление этому нажиму”. «Мы не поддержим решение чехословацкой проблемы силой оружия, – объяснял Литвинов, – мы вовсе не противопоставляем сохранение чехословацкой “политической независимости” и сокращение напряжения и предотвращением опасности вооруженного конфликта. В той же степени Советский Союз не принял бы предложения о нейтрализации Чехословакии, что приведет

⁸⁷ DDF, 2^e, t. IX, p. 815–816, 825–826; АВП РФ, ф. 05, оп. 18, п. 149, д. 166, л. 11–13.

⁸⁸ DGFP, D, v. II, p. 326–328.

⁸⁹ ДИМС, с. 132; *Carley M.J.* 1939, p. 42–44.

⁹⁰ АВП РФ, ф. 0138, оп. 19, д. 128, д. 1, л. 33–34.

к отказу от неофициальной помощи как от Франции, так и от СССР»⁹¹. Эти инструкции были лишним напоминанием об осмотрительности, с какой должен был действовать советский полпред. СССР не собирался подставлять шею нацистской Германии, когда прочие государства не желали подставлять свои.

20 июля Бонне вызвал чехословацкого посла Ш. Осуского чтобы прояснить “французскую позицию” в вопросе безопасности Чехословакии. “Чехословацкое правительство должно твердо знать нашу позицию: Франция не вступит в войну из-за судетской аферы. Конечно, мы проинформируем общественность о нашей солидарности, как это хочется чехословацкому правительству, но наша солидарность должна дать возможность чехословацкому правительству принять решение о мирном и почетном решении проблемы”. В заключение Бонне повторил: “Чехословацкое правительство должно понять, что Франция, как и Великобритания не вступит в войну. Важно, чтобы, несмотря ни на что, это стало ясно”, – сказал он с не вполне искренним сочувствием. Разница между демаршем Бонне и позицией Москвы огромна. На встрече с Сурицем четырьмя днями позже, Бонне не упомянул о своем разговоре с Осуским, сказав только, что правительства Франции и Великобритании оказывают “давление” на Прагу по поводу переговоров о судьбе судетских немцев. Француз говорил советскому послу, “что [мы] не мо[жем] навязать Праге соглашение, несовместимое с суверенитетом и грозящее которое будет несовместимым с суверенитетом Чехословакии и угрожать ее целостности”⁹². Неужели Бонне считал Сурица слепым глупцом? Это заявление никоим образом не вязалось с истинной политикой Франции. В любом случае, Литвинов предупреждал, что судетский вопрос был не более чем уловкой для прикрытия претензий Германии на господство; речь о правах меньшинств тут ни при чем. К сожалению, французы и британцы не слушали призывов Литвинова, либо высмеивали его, когда он им “читал лекции”. В сентябре французские министры, узнав о действиях Бонне, стали протестовать, так как Кабинет министров не давал ему таких полномочий⁹³.

В августе Литвинов выслал дальнейшие инструкции Александровскому: «Конечно, мы чрезвычайно заинтересованы в сохранении независимости Чехословакии, в торможении гитлеровского устремления на юго-восток, но мы без западных держав вряд ли можем что-нибудь существенное предпринять, а последние не считают нужным добиваться нашего содействия, игнорируют нас и между собою решают все, касающееся германо-чехословацкого конфликта. Нам не известно, чтобы сама Чехословакия, когда-либо указывала своим западным “друзьям” на необходимость привлечения СССР. Выступать нам при этих обстоятельствах публично и официально с критикой действий Англии и Франции значило бы вызвать обвинение в нашем стремлении сорвать их “мирную акцию” и в поощрении чехословацкой непримиримости, не принеся этим никакой пользы самой Чехословакии... Достаточно того, что я заявил об отсутствии с нашей стороны давления на Чехословакию и о предоставлении для нее полной свободы решений». Литвинов также беспокоился о польской интервенции, боясь, что Александровский мог увлечься, объясняя советскую точку зрения. Поэтому он напомнил Александровскому, что и сам Бенеш не хотел расширения советско-чехословацкого пакта, который мог бы стать прикрытием для польской агрессии: “Это не значит, что мы будем к этому относиться безразлично и что ни в коем случае не будем выступать против нее. Своим демаршем в Париже мы, кажется, сделали достаточно чувствительное предупреждение Польше. Мы, вероятно, и в дальнейшем не откажемся предпринимать необходимые шаги, чтобы Польша оглядывалась на нас в своих агрессивных намерениях против Чехословакии... Пакт о ненападении с Польшей, как Вы должны знать, содержит статью, в которой говорится, что, в случае агрессии одной из сторон против третьего государства, обязательства по пакту исчезают. Таким образом, в случае нападения Польши на Чехословакию, пакт с Польшей нас связывать не может”⁹⁴.

⁹¹ АВП РФ, ф. 05, оп. 18, д. 149, п. 166, л. 16–18; ср. *Steiner Z. Op. cit.*, p. 758.

⁹² DDF, v. X, ff. 437–438; ДВП, т. XXI, с. 387–389.

⁹³ *Carnets secrets de Jean Zay* (Paris, 1942), entrée du 19 sept. 1938, p. 6.

⁹⁴ АВП РФ, ф. 05, оп. 18, д. 149, п. 166, л. 24–27; ср.: *Steiner Z. Op. cit.*, p. 759–760.

Осторожность Литвинова все-таки должна быть расценена как показатель поддержки Чехословакии вопреки сведениям, исходившим из Парижа и Лондона.

В Москве могли только догадываться, что в конце августа французы обещали Чехословакии в случае немецкой агрессии. Александровскому от его доверенных лиц в Праге поступали различные слухи и намеки на обещания Франции, но Литвинов расценивал эти обещания как мнимые или, во всяком случае, преувеличенные с целью ускорить переговоры с Чехословакией о советской помощи. Таким образом, Литвинов не знал об июльском демарше Бонне (в ответ на слова Осуского), а это означает, что чехословацкая сторона не все сообщает Александровскому. Французский посол в Праге В. де Лакруа докладывал, что Бенеш весьма эмоционально отреагировал на отчет Осуского о заявлении Бонне, как оно, по всей вероятности, и было. Близкий союзник срочно направил бы эту информацию в Москву. Но чехословацкий министр иностранных дел только намекнул Александровскому 27 июля, он сказал, что Бонне – “ужасный трус”, который боится каждого шороха. По мнению Крофта, было бы хорошо, что, помимо Бонне от имени Франции говорили и другие министры⁹⁵. Но было бы также хорошо, если бы они говорили иначе, чем Бонне. Лишь несколько французских политиков проводили конструктивный курс – Суриц называл их “белыми воронами”⁹⁶.

Бенеш не уведомил Москву о демарше Бонне – отчасти потому, что боялся за слабеющее советско-чехословацкое военное сотрудничество. Возможно, он хотел оставить возможности для маневра или же сблизиться с Бонне и сохранить хрупкую коалицию (конечно, если ее можно назвать таковой), которая сумела бы защитить его страну. Таким образом, он недооценивал Литвинова – в то время наиболее преданного союзника Чехословакии. Чехословацкий президент ни за что не пошел бы на сближение с Москвой, если бы ради этого пришлось пожертвовать отношениями с Парижем. Как он говорил еще в июле, перед демаршем Бонне, его действия продолжали “зависеть” от Франции⁹⁷.

И все же Литвинов не собирался сдаваться. 27 июля, в тот же день, когда Крофта встречался с Александровским, Литвинов беседовал с Кулондром в Москве. Разговор был таким же, как и сотни предыдущих, которые он вел со своими западными коллегами: “страны-агрессоры” были “хищниками”, атакующими слабых. Покажи им штыки – и они быстро отступят. По мнению Литвинова, немцы блефовали. Кулондр возразил, сказав, что это, может быть, и не так. Тогда нам необходимо “продемонстрировать единый фронт и храброе сердце”, ответил Литвинов⁹⁸.

29 июля, двумя днями после разговора Литвинова и Кулондра, Красная Армия вступила в бой с японцами у озера Хасан в Маньчжурии, откуда не так далеко до Владивостока. СССР был не лучше подготовлен к боевым действиям, чем Франция или Великобритания: ему приходилось оборонять огромный сибирский фронт от японцев, одновременно разбираясь с внутренними трудностями, вызванными сталинскими чистками. Тем не менее в отношении нацистской Германии политика СССР была твердой – по крайней мере, по сравнению с англо-французской.

22 августа Литвинов встретился с немецким послом, который попросил разъяснений по поводу намерений Москвы и западных государств в сложившейся ситуации. Отбросив обычную осторожность, Литвинов заявил, что чехословаки “все как один будут бороться за свою независимость, что Франция при условии нападения Германии на Чехословакию, немедленно вступит в войну, что Великобритания, нравятся это Чемберлену или нет, не сможет оставить Францию без поддержки, да и мы также выполним свои обязательства перед Чехословакией”. Возможно, жесткая позиция Литвинова стала реакцией на слова немецкого посла, который попытался возложить вину за рост

⁹⁵ АВП РФ, ф. 05, оп. 18, д. 149, п. 166, л. 30–32; DDF, 2^e, t. X, p. 445–448, 450–451; ДВП, т. XXI, с. 402–405.

⁹⁶ АВП РФ, ф. 011, оп. 2, д. 17, п. 165, л. 91–105.

⁹⁷ DDF, 2^e, t. X, p. 467–468.

⁹⁸ Ibid., p. 519–520.

напряжения на Прагу, либо нарком просто надеялся припугнуть Берлин. Слухи о его заявлении дошли до Бонне, которому вовсе не хотелось вступать в войну с Германией, поэтому он запросил разъяснений у Москвы. Французский поверенный в делах Пайяр подтвердил заявление Литвинова⁹⁹.

25 августа Бонне встретился с Сурицем, чтобы лично получить разъяснения. Он полагал, что ситуация с Чехословакией была серьезной и подтвердил, что позиция французского правительства останется неизменной: “Если Германия вторгнется в Чехословакию, Франция будет выполнять свои обязательства”. Однако на встрече с Осуским Бонне ничего подобного не говорил¹⁰⁰. В Праге об этом знали, а в Москве – нет.

31 августа Бонне снова изложил суть французской позиции Пайяру и поручил ему узнать от Литвинова о намерениях советского правительства относительно Чехословакии в случае военных действий. Он говорил, что проблема с коридором оставалась, “несмотря на все мои попытки”¹⁰¹. Трудно сказать, что это были за попытки, если Бонне пытался не провоцировать Польшу на переход в нацистский лагерь. В отношении Румынии он, похоже, вообще ничего не предпринимал. Советские собеседники спрашивали у него, есть ли какая-либо весомая причина, по которой они должны были верить его словам. В тот же день, когда он отослал инструкции Пайяру, Бонне сказал британскому поверенному в делах, что если Чехословакия не примет решения третейского суда, которое может быть предложено лордом Рансименом, “тем хуже будет для них”. Бонне не сомневался, что немецкое правительство “не откажется принять справедливое британское предложение”, но насчет Чехословакии он не был столь уверен. Еще не получив ответ от Пайяра, он уже жаловался британскому послу в Париже, Э. Фиппсу, что ему уже “надоел” этот Суриц, “действующий по инструкции от Литвинова, чтобы продемонстрировать более твердую позицию в отношении ситуации, связанной с Чехословакией”. Затем Бонне сказал “что единственным желанием России является затеять всеобщую войну, в мутных водах которой она будет искать выгоду”¹⁰². Это мнение было широко распространено среди англо-французской правящей элиты и шло вразрез с попытками советской дипломатии организовать мощный антинацистский альянс, чтобы обуздать Германию или нанести ей поражение в войне.

Пока Бонне делился своими соображениями с Фиппсом, Литвинов в Москве отвечал на последние запросы Франции. Перед этим, 1 сентября он запросил инструкций у Сталина. На следующий день Литвинов поставил Пайяра в известность о том, что если Франция окажет поддержку Чехословакии, СССР выполнит свои обязательства с наибольшей тщательностью, используя каждую возможность для помощи. Что же касается вопроса о коридоре для Красной Армии, пока от Польши решения ожидать не приходится, а Румыния может стать более сговорчивой, если Лига Наций осудит германскую агрессию большинством голосов. Необходимо проведение трехсторонних переговоров, и Литвинов заявил, что СССР готов в них участвовать. Он также вернулся к идее об англо-франко-советской конференции на высшем уровне, чтобы таким образом заставить Гитлера отступить от Чехословакии. Внося такие предложения, которые ничем не отличались от его заявлений полугодовой давности, он запросил предложений Франции, так как советское участие подразумевалось при условии французского вмешательства. Следуя ставшей уже обычной для Франции линии поведения, Пайяр уклонился от ответа. Литвинов не позволил Пайяру замолчать эту тему: “Гитлер основывает свои расчеты на двойных предположениях, что Франция выдвинется только если решится Великобритания, но Великобритания не решится”¹⁰³. В этой фразе содержалось обобщение ситуации, хотя Литвинов был слишком снисходителен к Франции. Сомнительно, чтобы

⁹⁹ ДИМС, с. 174–175; DDF, 2^e, t. X, p. 843, 874–875.

¹⁰⁰ DDF, 2^e, t. X, p. 840.

¹⁰¹ Ibid., p. 899–900.

¹⁰² DBFP, ser. 3., v. II, p. 194, 219–220.

¹⁰³ Steiner Z. Op. cit., p. 763; “На приеме у Сталина”, с. 239; ДВП, т. XXI, с. 470–471; DDF, 2^e, t. X, p. 934–935.

Даладье и Бонне предприняли что-либо, разве только под давлением недовольства в обществе, порожденного сопротивлением Чехословакии немецкой агрессии.

Когда Бонне получил ответ Литвинова, он передал его в ином свете Фиппсу, который, в свою очередь, направил его в Лондон: “Бонне уверен, что Россия проявляет намного больше осторожности... чем хочет для остальных”. Как видим, это была проекция самого Бонне на Литвинова, поэтому даже Даладье чувствовал себя обязанным ее скорректировать. Однако Даладье был ненамного целеустремленнее своего поверенного, и ему, как и Бонне, мерещились “казаки”, распространяющие революцию в Европе. Майский в Лондоне всерьез опасался того, что французское правительство попытается замолчать встречи Пайяра с Литвиновым в Москве, поэтому он сумел организовать утечку сведений для У. Черчилля, в то время рядового члена парламента. Черчилль хотел остановить Гитлера в Чехословакии и поэтому направил послание Литвинова прямо Галифаксу, который положил его под сукно. А даже если бы и не положил, то Чемберлен был уверен, что сможет договориться с Гитлером. 8 сентября Майский встретился с Галифаксом, заявившим, что «бритпра ... заинтересовано в “мирном урегулировании” спора». “А разве вас не интересует цена?” – спросил Майский. Галифакс пожал плечами и заметил, что цена определяется обстоятельствами.

На следующий день английский министр иностранных дел сказал французскому послу Ш. Корбену, что его страна не готова к войне “из-за агрессии Германии против Чехословакии”. Майский в своем дневнике записал, что в конце августа встретил бывшего премьер-министра от партии либералов Д. Ллойд Джорджа. “Ни бритпра, ни францпра, – писал советский дипломат, – не дают ничего действительно эффективного для защиты ЧС от германской агрессии”¹⁰⁴.

Литвинов вернулся в Женеву в первых числах сентября, вскоре к нему присоединились Майский и Суриц. Первый встретился с Бонне 11-го числа – правда, неудачно. Французский министр уведомил Литвинова о том, что направил его предложения в Лондон, где они были отвергнуты. Бонне опять лицемерил, так как он искажил идеи Литвинова при передаче Фиппсу, а Галифакс действительно отверг их, когда услышал о них от Черчилля. Бонне всю вину возлагал на Лондон. По воспоминаниям Литвинова, “Бонне разводил руками, что, мол, ничего сделать нельзя”. Такое поведение произвело слабое впечатление на Литвинова, у которого уже кончалось терпение. Он докладывал, что от собеседника не поступало никаких предложений и что вел тот себя весьма скрытно¹⁰⁵. Министр, в свою очередь, утверждал, что Литвинов во время встречи был уклончив, пытаясь уйти от обязательств по отношению к Чехословакии. Опять-таки Бонне пытался спроецировать свое поведение на Литвинова.

Так как Кулондр мог слышать только версию Бонне, он, встревоженный, отправился к Потемкину, который вновь изложил советскую позицию. Фирлингер также встречался с Потемкиным, поскольку и он слышал ту же версию от Кулондра. Потемкин постоянно говорил о желании Москвы организовать совещание штабов и участвовать в нем, что по-прежнему отвергала Франция, о поддержке Чехословакии “совместно с Францией оказать помощь Чехословакии всеми нам доступными средствами и путями”. Французское правительство, добавил Потемкин, даже не уведомило собственных коллег о встрече Пайяра и Литвинова. Фирлингеру следовало радоваться заверениям Потемкина – без согласия Сталина таких не последовало бы¹⁰⁶.

Когда к середине сентября Бонне вернулся в Париж, он выглядел сломленным. По воспоминаниям Фиппса, у него, “казалось, совсем сдали нервы, он готов был на любое решение проблемы, чтобы избежать войны”. Фиппса настолько беспокоила серьезность ситуации, что отправился к Даладье, который подтвердил намерение Франции поддержать Чехословакию в случае нападения Германии. По словам Фиппса, сделал он это

¹⁰⁴ DBFP, ser. 3, v. II, p. 255–256, 269–270; *Майский И.М.* Дневник, кн. I, с. 251, 267–268; *Carley M.J.* 1939, p. 51–55.

¹⁰⁵ ДВП, т. XXI, с. 487–488.

¹⁰⁶ АВП РФ, ф. 0138, оп. 19, д. 128, п. 1, л. 45–46; ДИМС, с. 215.

неохотно. Таким образом, Бонне говорил одно, Даладьё – другое. Чехословацкий посол в Лондоне Ян Масарик знал о переговорах Фиппса из собственных источников в британском МИДе и писал: “Бонне заявил, что необходимо сохранить мир, даже пожертвовав ЧСР, и что Франция не готова и не хочет за нас воевать. Затем Фиппс говорил с Даладьё, который был несколько решительнее, но не намного”¹⁰⁷. Последний понимал, что Франции необходимо сопротивляться, но у него не было уверенности в последствиях.

Раздраженный Бонне винил во всем Чехословакию, не желавших сдаться. “Бонне выразил сильное раздражение поведением чехов, объявивших мобилизацию, не спросив у Франции, – докладывал Фиппс. – Поэтому он очень прозрачно намекнул Бенешу, что Франция может пересмотреть свои обязательства по отношению к Чехословакии”. Это был не намек. “Мы не готовы к войне, – оправдывал свое поведение глава французского МИД, – поэтому нам необходимо добиться наибольших уступок Германии по Судетам и... это должно быть сделано независимо от желания чехов и русских... И чем быстрее, тем лучше”, – добавил Бонне¹⁰⁸.

Вечером 14 сентября в средствах массовой информации появились сведения о том, что Чемберлен на следующий день вылетает в Бертехсгаден на встречу с Гитлером. Он не уведомил о своих действиях ни Париж, ни Прагу, ни, конечно, Москву. Он был уверен в том, что сумеет убедить Гитлера и предотвратить войну. “Каково! – писал Майский в своем дневнике. – Глава Британской империи идет в Каноссу на поклон германскому фюреру. Вот до чего докатилась британская буржуазия!” У Крофты реакция на события была примерно такая же: “покорная капитуляция”, только англичане этого не видят, что касается французам: Бонне, Лакруа, Франсуа-Понсе – все они “пораженцы”. Комнен также расценивал встречу в Бертехсгадене как знак англо-французской слабости и демонстрации того, “как опасно” было идти по пути защиты Чехословакии. Литвинов предупредил Москву, что Франция, по всей видимости, сдала позиции. “Что Чехословакия будет предана, не подлежит сомнению; вопрос лишь в том, примирится ли с этим Чехословакия”¹⁰⁹.

Но пока было рано делать какие-либо выводы. После встречи Чемберлена и Гитлера, 19 сентября Франция и Великобритания начали оказывать серьезное давление на Прагу, настоятельно рекомендуя сделать территориальные уступки Германии. В тот же день Бенеш вызвал Осуского, чтобы сообщить ему о бесполезности сопротивления. Согласно записям посла, премьер-министр сказал: “Нельзя быть уверенным в том, добавил Бонне, что Франция окажет помощь. Все зависит от того, насколько Англия будет солидарна с Францией. Он заявил, что если г-н президент Бенеш не примет франко-английские предложения, Англия потеряет интерес к ЧСР и это будет иметь крайне серьезные последствия”. В Женеве до Майского дошли слухи о том, что Осуский покинул набережную Кэ д’Орсе в слезах. Чехословацкий посол в Лондоне Масарик отреагировал иначе, осыпав англичан отборными ругательствами. Когда французское правительство 19 сентября узнало об угрозах Бонне по отношению к Чехословакии, среди его членов зародилось возмущение, которое, однако, оказалось не столь сильным, чтобы изменить внешнюю политику Франции. Оно единодушно проголосовало за поддержку англо-французского ультиматума Праге. Правда, на слове “ультиматум” настаивал Бенеш, а Франция и Англия делали упор на более нейтральное “советы”. Вечером 20 сентября Бенеш пригласил к себе французского посла Лакруа, чтобы попросить у него текст англо-французского ультиматума, который якобы предполагалось огласить после 2.00 21 сентября для того, чтобы представить его своему кабинету. Не похоже, чтобы Александровский или даже Крофта знали о действиях президента Чехословакии¹¹⁰. Когда из-

¹⁰⁷ DBFP, ser. 3, v. II, p. 309–312; ДИМС, с. 211–212.

¹⁰⁸ DBFP, ser. 3, v. II, p. 323.

¹⁰⁹ *Майский И.М.* Дневник, кн. I, с. 270–271; АМАЕ, fond 71/Romania, v. 103, fol. 124; ДИМС, с. 213–214; АМАЕ, fond 71/ Little Entante, v. 29, fol. 28.

¹¹⁰ ДИМС, с. 235–236, 244–245; DDF, 2^e, t. XI, p. 347–348; *Майский И.М.* Дневник, кн. I, с. 273–274; DDF, 2^e, t. XI, p. 361, 394, 397–398.

вестие об ультиматуме достигло Женевы, Майский заметил, что не представлял доселе, как низко могут пасть британцы и французы¹¹¹. Как бы то ни было, поведение самого Бенеша не внушало доверия ни в Москве, ни в Бухаресте.

Бонне на одной из встреч с Фиппсом сказал, что Советы “неистовствуют”, однако, по-видимому, он спутал внешнюю политику с внутренними неурядицами. “Я не раз говорил, – писал Фиппис, – что даже когда у советского правительства не было совершенно никаких причин обострять отношения с Францией, оно никогда не пыталось помочь в прекращении различных забастовок, не останавливало своей губительной пропаганды по поводу 40-часовой рабочей недели. Было бы интересно посмотреть, что же еще оно может сделать в своем неистовстве”¹¹². Даже рядовые собрания рабочих объявлялись делом рук СССР: со стороны это звучало как напыщенная речь в клубе за обедом и хорошим бордо, а не как серьезный комментарий.

19 сентября, в тот же день, когда у Осуского состоялся неприятный разговор с Бонне, Бенеш пригласил Александровского, чтобы заручиться обещанием поддержки со стороны СССР в случае оказания таковой Францией. Помимо этого он спросил, может ли Чехословакия рассчитывать на поддержку СССР в Лиге Наций. На следующий день, 20 сентября, от Политбюро ЦК ВКП(б), а значит от Сталина, поступил утвердительный ответ. Это произошло после жаркой сцены во французском кабинете министров. Потемкин незамедлительно телеграфировал о решении Политбюро Александровскому, который в 7 ч вечера созвонился с Бенешем и сообщил ему ответ Москвы¹¹³. По-видимому, Бенеш недолго брал в расчет заверения СССР, так как вскоре он заявил, что чехословацкое правительство может принять тот ультиматум, который выдвинули Великобритания и Франция.

Согласно записям Фирлингера, “действия Франции оценивают здесь как открытое предательство” даже в дипломатическом корпусе. “В Лондоне наибольшим трусом проявил себя Бонне, который ссылаясь на недостаток авиации и нежелание СССР помочь нам. По словам Фирлингера, Потемкин говорил, что франко-советский пакт становится бесполезным”. “Очевидно, завтра Советы выступят с разоблачением мошенничества Бонне”¹¹⁴.

Потемкин ссылаясь на речь Литвинова в Женеве 21 сентября, в которой повторялись основные положения, изложенные ранее Пайяру. Бонне больше не мог их исказить. Резонанс от речи был небольшим, хотя британские представители осознали, что Бонне искажал все советские предложения. Один из деятелей лейбористской партии, Х. Долтон, назвал Бонне “безобразным лгуном”. Именно тогда раздосадованный Литвинов заявил британцам, что только у СССР “чистые руки” по отношению к Чехословакии¹¹⁵.

В тот же день, 21 сентября, Прага приняла англо-французский ультиматум, правда Бенеш пригласил Александровского, чтобы задать некоторые вопросы. Со слов Александровского, президент интересовался, будет ли предоставлен коридор для Красной Армии через Румынию, и советской реакцией на известие о потенциальной угрозе польского вторжения в Чехословакию. На следующий день Потемкин встретился с Фирлингером, ибо “для нас представляется непонятым умолчание Бенешем о том, насколько, по его мнению, Чехословакия гарантирована помощь Франции против германской агрессии, а именно – если Гитлер выдвинет Праге новые требования, что приведет к войне”. “Я (Потемкин. – *М.К.*) напомнил Фирлингеру, что данный вопрос имеет для СССР капитальную важность”. Оказывается, Бенеш поднимал на переговорах и вопрос о том, не желает ли Москва заключить чехословацко-советский пакт. По словам Потемкина, не было понятно, что движет чешским лидером, но такое предложение необходимо

¹¹¹ *Майский И.М.* Дневник, кн. I, с. 275–276.

¹¹² С10251/5302/18, FO 371 21777.

¹¹³ ДВП, т. XXI, с. 498–499; Политбюро ЦК РКП(б)…, с. 363–364; ДВП, т. XXI, с. 500; ДИМС, с. 244.

¹¹⁴ ДИМС, с. 240–241.

¹¹⁵ *Майский И.М.* Дневник, кн. I, с. 276–280.

было серьезно обдумать. По всей видимости, ни Фирлингер, ни Потемкин вечером 20 сентября не знали о тайной капитуляции Бенеша. Фирлингер выразил надежду на такой ответ от советского правительства, который воодушевил бы Прагу¹¹⁶. Что можно было сделать для помощи Чехословакии, если Бенеш уже отказался от борьбы?

Москве казалось, что предполагаемые союзники постоянно спрашивают о намерениях СССР во время кризиса, в то же время отказываясь говорить о своих. Переговоры в Праге показывали, что Бенеш вел игру с Александровским и поэтому не сообщал в Москву о действиях Парижа, либо он действительно был причастен к событиям, связанным с англо-французским ультиматумом от 21 сентября. Проблема, как и прежде, состояла в том, что без Франции советско-чехословацкий договор утрачивал эффективность. Возможно, французским политикам следовало действовать жестче: довериться Москве, отправить в отставку Бонне, как когда-то – Лавала после попытки свергнуть кабинет Даладьё. Этого Бенеш не мог сделать из-за того, что имел отношение к выдвижению англо-французского ультиматума.

Тем не менее политические маневры продолжались, и СССР делал все что мог, чтобы помочь Чехословакии. 22 сентября Крофта сообщил Александровскому, что польские войска подтягиваются к границам с Чехословакией. “Поэтому было бы хорошо, – предложил Крофта, – напомнить Варшаве о том, что советско-польский пакт о ненападении будет расторгнут в тот момент, когда Польша нападет на Чехословакию”. В этот же день Суриц на встрече с Бонне поднял вопрос о польских требованиях по отношению к Праге, но французский министр ушел от ответа. Тем не менее Потемкин в 4 ч утра 23 сентября вызвал польского поверенного и объявил ему, что в случае нападения Польши на Чехословакию СССР аннулирует советско-польский пакт о ненападении. Кулондра на встрече с Потемкиным интересовало, означает ли аннулирование пакта интервенцию СССР в Речь Посполитую? Потемкин ответил, что “в ноте об этом ничего не сказано, но это предупреждение Польше”. Бонне, напротив, искал “мирного решения” вопроса в аннексии Польшей Тешина без вооруженного конфликта¹¹⁷.

Если Польша вела себя подобно “младшему брату” Гитлера, то Румыния занимала более конструктивную позицию. На встрече в Женеве Комнен известил британцев о том, “что в случае войны снабжение Чехословакии через территорию Румынии представляется вполне возможным. По его мнению, не должно возникнуть трудностей в получении разрешения, особенно в отношении авиационных поставок. Он также указал на возможные трудности с поставками по северной части Румынии, однако был расположен помочь в случае вступления Великобритании и Франции в конфликт. По воспоминаниям румынского посла в Праге, Александровский сообщил Крофте, что Литвинов был доволен результатами переговоров с Комненом: на наркома произвело впечатление то, как старательно они подыскивали наилучшую “формулировку для того, чтобы разрешить русским оказать поддержку”. Польский посол в Лондоне, узнав об этих переговорах, писал: “Литвинов ожидал, что они соберутся все вместе на одной стороне и тогда дело будет в шляпе”. В начале сентября советские самолеты пересекли территорию Румынии, хотя Комнен при необходимости был готов это отрицать¹¹⁸.

Готовил ли Литвинов дипломатическую почву для военных действий в случае выхода кризиса из-под контроля? Пытался ли Александровский оставить Чехословакию в игре? Неясно. Единственное, что можно сказать наверняка: СССР и Румыния были весьма осторожны – постоянно ходили слухи о том, что Великобритания и Франция предали Прагу, и теперь Чехословакии “конец”. Немецкий министр иностранных дел

¹¹⁶ Международная жизнь, 1988, № 12, с. 119–132; АВП РФ, ф. 0138, оп. 19, д. 128, п. 1, л. 69–70. Историографический комментарий к этим событиям можно найти в кн.: Carley M.J. Soviet Foreign Policy in the West, 1936–1941. – Europe-Asia Studies, v. 56, № 7 (2004), p. 1081–1092.

¹¹⁷ ДВП, т. XXI, с. 515–517; DDF, 2^e, t. XI, p. 486–487, 501.

¹¹⁸ Herbrand Edward, Earl de la Warr, Lord Privy Seal (Geneva), no. 52, 15 Sept. 1938, C9953/5302/18, FO 371 21776; AMAE, fond 71/Romania, v. 103, ff. 152–153; FRUS, 1938, v. I, p. 652–654; AMAE, fond 71/Romania, v. 103, fol. 61.

И. фон Риббентроп бахвалился перед румынским послом в Берлине тем, что никто не посмеет напасть на Германию. Сталин ничего не может сделать из-за Японии; а армия, убивающая собственных генералов – добавил он, “вообще для нас не существует”. Вне сомнений, немцы поощряли панику, особенно в Бухаресте, утверждая, что Чехословакия будет “раздавлена, как грецкий орех”. Советская и Румынская помощь – “фантазии”. Франция и Великобритания ничего не могут поделать. “Игра Бенеша” подошла к концу¹¹⁹.

Однако Красная Армия 21 сентября начала мобилизацию. Было приказано сосредоточить и увеличить военные силы на границе с Польшей и Румынией. Этот приказ касался 76 пехотных и кавалерийских дивизий, 3 танковых корпусов, 22 танковых и 17 авиационных бригад¹²⁰. Чехословакия начала мобилизацию 22–23 сентября, не встретив протестов Франции, ни от Великобритании, так как немецкие добровольческие корпуса начали сосредотачиваться в непосредственной близости от границы. В этот же день Чемберлен встретился с Гитлером в Годесберге, чтобы передать известие о капитуляции ЧСР, если Германия не предъявит ей новых требований. 24 сентября Париж объявил о частичной мобилизации, Лондон объявил о мобилизации на флоте. Кризис все еще мог выйти из-под контроля.

22 сентября Фирлингер встретился с Кулондром в Москве после разговора с Потемкиным, который (по словам Фирлингера) сожалел, что Прага не запросила советской помощи независимо от франко-чехословацкого пакта о неофициальной помощи¹²¹. Хотел ли Потемкин сказать, что Москва допускает возможность односторонних действий? На следующий день он, узнав об откровениях Фирлингера Кулондру, попросил у него разъяснений. Фирлингер был пойман на слове. Потемкин выразил свое “недоумение” тем, что чехословацкий посол так понял его слова при прошлой встрече. “Еще более смущаясь, Фирлингер признался, что вчера он говорил с Кулондром о нашей беседе, причем, желая-де дать понять Французам, что Чехословакия может обойтись и без них, намекнул послу, что СССР как будто не прочь заключить с Чехословакией новый двусторонний договор”. Кулондр же докладывал в Париж не об этом, а о возможной советской односторонней акции. Однако Потемкин не знал этого и выразил недовольство искажением его взглядов на вопрос о советско-чехословацком пакте, который советское правительство даже еще не обсуждало. “Я (Потемкин. – М.К.) предупредил Фирлингера, что в предстоящем разговоре с Кулондром, мне придется дать послу необходимые разъяснения на этот счет”. Согласно Потемкину, «Фирлингер пришел в полное отчаяние. Он стал упрашивать меня ничего не говорить Кулондру, чтобы тот “еще больше не напутал” в данном вопросе». Через 15 минут после ухода Фирлингера он позвонил Потемкину и зачитал текст своей телеграммы в Прагу. Он говорил о неразберихе с телеграммами. Так или иначе, Фирлингер был уличен, ибо уже не в первый раз высказывал предположение, что СССР может действовать в одностороннем порядке. Что же до его утверждений о вероятности односторонней интервенции СССР, которые стали известны широким кругам, доступных доказательств этому нет¹²².

Французское правительство с трудом сохраняло свое единство: пять членов кабинета министров угрожали подать в отставку: Рейно, Мандель, Ж. Зэй, С. Кампинчи и Ж. Шампетье де Рибе. Некоторые дипломаты с набережной Ке д’Орсе также безуспешно пытались проявить твердость по отношению к нацистской Германии. Как сказал Зэй, еще оставались крупницы “французского достоинства”, но только крупницы¹²³. 24 сентября Кулондр отправил депешу в Париж, в которой советовал в условиях “неизбежности конфликта” “немедленно” принять предложение Литвинова о созыве совещания штабов.

¹¹⁹ AMAE, fond 71/ специальные папки, v. 343, ff. 12, 21, 34–35.

¹²⁰ Ragsdale H. Op. cit., p. 111–126.

¹²¹ ДИМС, с. 265; DDF, 2e, t. XI, p. 446–447.

¹²² АВП РФ, ф. 0138, оп. 19, д. 128, п. 1, л. 71–72; ДИМС, с. 204–205.

¹²³ Meltz R. Alexis Léger, dit Saint-John Perse. Paris, 2008, p. 518–526; Carnets secrets de Jean Zay, entrées des 21–22 sept. 1938, p. 7–9.

Не получив ответа, тремя днями позднее он телеграфировал вновь, добавив о намерениях Польши относительно Тешина. По мнению польского посла в Москве, Бек был убежден в пассивности Англии и Франции и “отсутствии желания остановить раздел Чехословакии только в пользу Германии”. Такие же предупреждения поступали из французского посольства в Варшаве. Больше всего посла Л. Ноэля волновало то, что Польша могла перейти в немецкий лагерь и разразилась бы “идеологическая война”. Польский посол в Берлине сообщал своему коллеге в Румынии, что рождается “новая Европа”, основанная на расовом принципе и “национальной государственности”. Сопrotивление “может быть смертельным”. Ходили слухи, что у Бонне случился нервный срыв, которым можно объяснить отсутствие ответа на рекомендации Кулондра о созыве совещания штабов вплоть до 28 сентября, и то уклончивого. “Бонне не слишком впечатляет перспектива поздней и ограниченной помощи от русских, – сообщил Фиппс. – Теперь он больше боится, что Польша будет по другую сторону баррикад в случае войны”¹²⁴.

В это же время на улицах Парижа возникли беспорядки в связи с обвинениями правых в адрес коммунистов в “провоцировании войны” и подготовке революции для установления “коммунистического режима”. Даже в Праге правые обвиняли СССР в ответственности за чехословацкую капитуляцию. Потемкин распорядился опубликовать реч Литвинова в Женеве, чтобы опровергнуть эти обвинения¹²⁵.

К концу сентября СССР сделал все возможное для помощи Чехословакии. Литвинов оставался в Женеве, но его действия вызывали лишь чисто академический интерес у правительств Англии и Франции, которые пытались найти спасение от кошмарных вариантов развития событий. Они, однако, не горели желанием принять всю полноту ответственности за свои действия. Когда чехословацкий посол Масарик спорил с Галифаксом, последний сказал, что «Чемберлен – всего лишь почтальон. Когда я выразил свое удивление и отрицательное отношение к тому, что английский премьер – почтальон убийцы и преступника, Галифакс, сильно смутившись, повторил: “К сожалению, это так”».

Если Бенеш не сообщал Москве, что Англия и Франция бросили его на произвол судьбы, это делал Масарик. Майский узнал о комментариях Галифакса в Женеве. “Комедия бежит рука об руку с трагедией”, – писал он¹²⁶.

В Париже Фиппс обобщил ситуацию: “Если немецкая агрессия не будет слишком жестокой, кровавой и длительной... чтобы привести в ярость французское общественное мнение до такой степени, что люди вообще потеряют голову, мысль о войне будет крайне непопулярна во Франции. Поэтому я думаю, что правительство Его Величества должно понимать крайнюю опасность даже намека на появление пусть разрозненной, немногочисленной, но шумной группы в поддержку войны у нас в стране. Все лучшее, что есть во Франции, выступает против войны, почти любой ценой”. Даже Галифаксу не понравилось упоминание “разрозненной, немногочисленной, но шумной группы в поддержку войны”. Но Фиппс нисколько не ошибался, описывая взгляды, преобладавшие среди французской элиты. Он защищался, говоря, что имел в виду коммунистов, которые “уже месяцами получают деньги от Москвы на разжигание войны”¹²⁷.

В воскресенье, 25 сентября, в Женеве было относительно спокойно. Литвинов собрал всех советских послов, чтобы задать неизбежный вопрос: “Ну как, по-вашему, будет война или не будет?”. Он предполагал, что Англия и Франция сдадутся, с чем соглашался Суриц, однако остальные думали иначе: если Чехословакия будет сопротивляться, сражаться придется всем, включая Англию и Францию. “Устоят ли Чемберлен и Даладьё, когда надо будет прямо сказать: война! Пожалуй, не устоят”, – размышлял Майский.

¹²⁴ Coulondre, nos. 718–720, 724–727, 23, 24, & 27 sept. 1938; Bonnet à Coulondre, no. 555, 28 sept. 1938, МАЕ, Bureau du chiffre, Télégrammes à l’arrivée de Moscou, janvier 1938 – 23 août 1939; АМАЕ, фонд 71/ специальные папки, v. 343, ff. 36–38, DBFP, ser. 3, v. II, p. 489.

¹²⁵ DBFP, ser. 3, v. II, p. 509–510; ДВП, т. XXI, с. 735, прим. 149, с. 510.

¹²⁶ ДИМС, с. 284; Майский И.М. Дневник, кн. I, с. 280–283.

¹²⁷ DBFP, ser. 3, v. II, p. 510, 535, 543–544.

“Зная моих англичан, я склонен согласиться с вами, – говорил он Литвинову. – Однако в нынешней ситуации имеются и не учитываемые факторы, которые в состоянии сыграть громадную роль, напр[имер] поведение чехов в минуту опасности”. В подсознании общественности засела мысль: что, если Бенеш сделает “что-нибудь безумное?” Если Чехословакия окажет сопротивление, то, по мнению Фиппса будет трудно держать общественное мнение Франции под контролем дольше десяти дней. Бонне же тем не менее был уверен, что Франция не будет воевать ни при каких обстоятельствах. Протестовать будут, наверное, только коммунисты¹²⁸.

В это же воскресенье Бонне и Даладь встретились с Чемберленом, Галифаксом и прочими в Лондоне, чтобы обсудить недавние события и выработать стратегию поведения на ближайшее будущее. Даладь выступал в пользу противостояния дальнейшим требованиям Германии, но, в конце концов, сдался и пошел на поводу у Чемберлена. Майский лишь на следующий день узнал о встрече и о том, что Гамелен отправился в Лондон для получения резюме переговоров. “Бонне... играет самую зловещую роль... настаивал на необходимости во что бы то ни стало избежать войны”. Согласно “Дневнику” Майского, Даладь в общем и целом поддерживал Бонне. Это косвенно подтверждается тем, что он не уволил последнего, не заставил его молчать. Даладь не раз говорил о том, что Франция выполнит обязательства перед Чехословакией; а Бонне говорил, что Третья республика не может этого сделать. Согласно Майскому, Гамелена оскорбило то, что одним из доводов Бонне в поддержку своей позиции была “честь французской армии”. Гамелен настаивал на том, что если придется воевать, Франция выйдет в конечном итоге победительницей. Немцы не имели времени для укрепления своей обороны, и “линия Зигфрида” пока лишь “стена из мармелада”. Таково вкратце то, что Даладь сказал во время встречи в Лондоне. Майский это прекрасно знал. Ему также стало известно, что Чемберлен в беседе с представителями оппозиции охарактеризовал Гитлера как “честного человека”, который сохранит мир после получения Судетской области. Лейбористы А. Гринвуд и К. Эттли отнеслись к этим словам скептически.

– Читали ли вы “Мою борьбу” Гитлера? – спрашивали они премьера.

– Да, читал, но я помимо этого разговаривал с Гитлером, а вы нет! – зло отвечал Чемберлен.

– Что, если Судетская область – не последнее требование Гитлера?

Чемберлен вновь раздраженно ответил:

– Я видел Гитлера и верю ему!¹²⁹

28 сентября Бонне был на грани паники, обвиняя Бенеша в кознях против британского и французского правительств за то, что тот всеми силами боролся за “превентивную войну”¹³⁰. Итак, сопротивление нацистской агрессии превратилось в стремление к “превентивной войне”. Вскоре эта идея стала основным содержанием антикоммунистической пропаганды.

Позиция Бенеша была более сложной – глава небольшой страны, лавировавшей, чтобы выжить. Александровский вспоминал: как “я все время ощущал, Бенешу в отношении советской помощи, так сказать, и хочется и колется прибегнуть к этому средству защиты интересов Чехословакии... В последних разговорах со мной он каждый раз судорожно хватался за возможность нашей помощи и вызывал меня для разговоров как раз тогда, когда получал очередной крепкий удар от Англии и Франции”. Когда опасность отступала или же президент думал, что нашел “новый выход” из ситуации, “он сразу же проявлял значительно меньшую заинтересованность в нашем отношении... с самого начала и до конца целиком надеялся и все еще надеется достигнуть максимума возможного для Чехословакии на путях опоры на Англию и Францию, а о помощи СССР думает как о крайне самоубийственном для чехословацкой буржуазии средстве

¹²⁸ *Майский И.М.* Дневник, кн. I, с. 283–284; АМАЕ, fond 71/ special files, v. 343, fol. 27; DBFP, ser. 3, v. II, p. 509–510; FRUS, 1938, v. I, p. 620–621.

¹²⁹ *Майский И.М.* Дневник, кн. I, с. 284–285. Ср.: DBFP, ser. 3, v. II, p. 520–541, 575–576.

¹³⁰ DBFP, ser. 3, v. II, p. 588.

защиты Чехословакии от нападения Гитлера”. Бенеш говорил, “что он никогда не возьмет на себя ответственность за начало новой мировой войны”, в которой Гитлеру суждено сделать первый выстрел из-за сопротивления чехов. Вполне возможно, эта мысль появилась после упреков со стороны Англии и Франции. “Насилие... начиная от Гитлера и кончая Даладье, – недостаточное основание для того, чтобы встать на дыбы и защищаться”. Александровский говорил, что никогда не критиковал политику Бенеша, действуя только как посредник, он лишь передавал свои наблюдения в Москву. Его отчеты нельзя назвать критикой, скорее, это был добротный анализ той дилеммы, перед которой оказался Бенеш начиная с 1935 г. и которая только осложнялась из-за его страхов перед распространением большевизма в Европе, что мешало ему защитить свою страну от посягательств Гитлера. Те же, кто мог бы поддержать Прагу, заметил Комнен после кризиса, должны были бы стать еще большими чехословаками, чем они сами¹³¹. Однако, к радости оппонентов, Бенеш не собирался затевать “что-либо безумное”.

Александровский готовил отчет в Москву как раз во время последнего акта раздела Чехословакии. Поощряемый англичанами и французами, Муссолини убедил Гитлера согласиться на четырехсторонние (исключая, конечно, СССР и Чехословакию) переговоры для преодоления кризиса¹³². Чемберлену представился шанс убедить всех в том, что он может вести дела с Гитлером. Утром 29 сентября он в третий раз отправился в Германию на самолете. На этот раз его целью был Мюнхен – место проведения планируемой конференции. В кинохронике “Пате Газет” остался момент его отъезда. С воодушевлением он быстро прошел к самолету на аэродроме Хэстон и с сияющими глазами обратился к собравшимся членам кабинета министров и своим сторонникам: «В детстве я постоянно повторял: если не получается, пытайся вновь, вновь и вновь. Этим я сейчас и занимаюсь. Когда вернусь, надеюсь, смогу сказать то же самое, что когда-то сказал Готспур в шекспировском “Генрихе IV”：“Мы выдернули этот цветок из зарослей крапивы даже не обжегшись”».

“Ура!” – ответила ему толпа провожающих. Голос за кадром в документальном фильме, когда на экране взлетает самолет премьер-министра, говорит: “В добрый путь, мистер Чемберлен!”¹³³

Конец истории всем известен: в Мюнхене действительно было заключено соглашение, которое полгода спустя привело к исчезновению Чехословакии. Кинохроника “Пате Газет” показывает Чемберлена, Даладье, Гитлера и Муссолини ранним утром 30 сентября за подписанием Мюнхенского соглашения. На следующих кадрах мы видим довольного Чемберлена, наклонившегося к немецкому служащему, забирающему английские копии соглашения. Даладье, наблюдая эту сцену, резко разворачивается и уходит, видимо, не желая получать свою копию. Бросается в глаза отсутствие чехословацкого и советского представителей¹³⁴. Тем временем в Праге Бенеш просит совета у Москвы, однако спустя какое-то время уведомит Александровского о том, что принимает мюнхенскую сделку. В дневнике Майского сохранилась запись о том, что в Лондоне он был свидетелем рыданий Масарика, сказавшего, что “они продали меня в рабство немцам, как негров когда-то продавали в рабство в Америке”. “Я крепко пожал ему руку”, – вспоминал их последнюю встречу советский полпред.

Советскому правительству оставалось лишь оценить ущерб. В начале октября Литвинов по пути в Москву остановился в Париже. Он отказался от приглашения Бонне заехать на Кэ д’Орсе, но заехал в советское посольство, чтобы поговорить о мюнхенском соглашении. Торжествовал ли Бонне? Не по отношению к Литвинову, но к Фиппсу, который, по всей видимости, вспомнил о своих давних и темных страхах: “Бонне сказал мне, что намерениям СССР навязать Франции свою точку зрения на внешнюю политику не суждено сбыться. Он улыбнулся при упоминании советской помощи в слу-

¹³¹ ДИМС, с. 326–327; AMAE, fond 71/Малая Антанта, v. 29, fol. 116.

¹³² *Meltz R. Op. cit.*, p. 525.

¹³³ Pathé Gazette, URL: www.britishpathe.com/record.php?id-20737.

¹³⁴ *Ibid.*, URL: www.britishpathe.com/record.php?id-50545.

чае новой войны, относя исключительное мужество СССР к удаленности от поля боя”. Бонне продолжал приписывать Советскому Союзу пороки Франции. Как отмечал Литвинов, Даладье стал народным героем, однако европейская пресса обожествляла Чемберлена. Подношения и поклонники скапливались у его дверей, названия улиц меняли в его честь, его выдвинули на соискание Нобелевской премии мира. Литвинов об этом не говорил, но “Пате Газет” выпустила новую кинохронику Мюнхенской конференции, в которой голос за кадром с пафосом говорил: “Четверо могучих мужчин собрались за одним столом... И в Европе воцарился мир!” Открытая машина Даладье проследовала через толпы парижан, из окон зданий развевались флаги, играла “Марсельеза”, а на заднем сиденье машины сидел улыбающийся Бонне¹³⁵.

Вернувшийся в Москву Литвинов пребывал в ярости из-за действий Франции, страны, которая, согласно “Journal de Moscou” (полуофициальной еженедельной газете НКВД) даже не смогла сохранить достоинство на встрече в Мюнхене. Этот комментарий лишь подтвердил то, что Даладье еще в мае говорил немецкому послу¹³⁶, тогда как раздраженный Кулондр требовал извинений¹³⁷. Наблюдая за этой бурей в стакане воды, Литвинов, должно быть, думал: “У меня есть и более важные дела, а именно, провал советской внешней политики в Европе и мое собственное будущее”. Характеристика Великобритании из уст Москвы была столь же беспощадной. Кое-то в советской столице вспомнил о другой фразе из “Генриха IV”, которая говорила об “опасных... намерениях”, “ненадежных... друзьях” и “трусливых” подхалимах¹³⁸. Шутники среди британских дипломатов предлагали свой вариант слов Чемберлена: “Если не можешь проиграть сразу, летай вновь, вновь и вновь”. Что касается поляков, “их игра слишком тонка”, а Комнен заметил: это лишь “политика наудачу”, которая может привести к тому, что Гитлер обратит на них внимание – к их невыгоде. По словам одного французского дипломата, поляки подобны “упырям, которые в прошлых столетиях ползали по полям сражений, добывая и грабя раненых”. “Стервятники, – охарактеризовал их Даладье¹³⁹. Но ему ли было об этом говорить?

Суриц писал, что Франция пережила второй Седан, что ему отвратительны веселящиеся толпы в Париже. Майский докладывал, что Чемберлен вполне уверен в себе и готов согласиться “на дальнейшее отступление перед агрессором”. Литвинов соглашался с этой точкой зрения, но не разделял мнение Сурица о том, что именно тотально пораженческое общественное мнение привело к Мюнхену. Сильное французское правительство могло бы повлиять на массовые настроения. “Верно то, – писал Литвинов, – что французское правительство ничего не сделало для разяснения населению значения Чехословакии с точки зрения интересов и обороноспособности самой Франции”. Франко-советский пакт, который Литвинов заключил в 1935 г., – это пустышка, которая теперь разбилась вдребезги. Суриц докладывал, что радикалы, в том числе Бонне, и Даладье, замыслили аннулировать его, словно надеясь улестить этим Гитлера. Крайне правые и правые, чьи идеи были хорошо восприняты и центристами во французском правительстве, презирали саму идею франко-советского пакта, так как это подкрепляло и узаконивало “во Франции их главного и наиболее непримиримого врага – коммунистическую партию, то становится совершенно понятным, почему наряду с испанским вопросом главное давление со стороны правых на правительство проводится по линии нашего пакта, по линии отношений с СССР”¹⁴⁰.

¹³⁵ ДВП, т. XXI, с. 555–556; C11379/5302/18, FO 371 21778; Pathé Gazette, URL: <http://www.britishpathe.com/record.php?id=20746>

¹³⁶ Имеются в виду слова Даладье о том, что Франция будет опозорена, если не вступится за Чехословакию в случае нападения на нее Германии (см. выше). – *Прим. ред.*

¹³⁷ АВП РФ, ф. 0136, оп. 22, д. 172, п. 863, л. 9–10.

¹³⁸ Благодаря проф. Р. Джонсона из Университета Торонто за то, что он обратил мое внимание на этот советский ответ.

¹³⁹ The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart, 1915–1946. London, 1973, v. I, p. 399, 402; AMAE, fond 71/Romania, v. 259, ff. 96–100; FRUS, 1938, v. I, p. 667–669.

¹⁴⁰ АВП РФ, ф. 011, оп. 2, д. 17, п. 165, л. 201–192; д. 11, п. 17, л. 76–83; оп. 18, д. 148, п. 158, л. 75–76; д. 72, п. 165, л. 222–229, 238–255.

В декабре 1938 г. Риббентроп посетил Париж для подписания франко-германского договора. Литвинов не представлял себе, какой ценой достался Франции визит Риббентропа, хотя и подозревал, что приезд немецкого дипломата является “бесплатным даром”, чтобы подкрепить позицию Бонне и Даладье. Чем дольше они оставались у власти, тем лучше было для Гитлера, полагал Литвинов. Он даже подозревал Бонне в “каких-то секретных заверениях и обещаниях”, сделанных, конечно, не в письменной форме и без ведома членов кабинета министров¹⁴¹. В Париже также ходили слухи о том, что Бонне мог сказать Риббентропу. В частности, о том, что он мог предложить Гитлеру “свободу действий на Востоке” взамен на обещание оставить Францию в покое.

31 декабря 1938 г. Литвинов вполне оправданно пожаловался на передовицу во французской газете “Тан”, вне всяких сомнений инспирированную Бонне и подготавливавшую почву для дальнейших договоренностей с Германией. По мнению Литвинова, у Бонне не было на уме каких-либо иных задач, кроме “ликвидации” франко-советского и франко-польского соглашений. Возможно, он как раз решил предоставить свободу действий на Востоке, но, согласно Литвинову, Бонне просчитался, так как Гитлер не собирался давать что-то взамен. Этого не требовалось¹⁴².

Тон корреспонденции Литвинова после Мюнхена был мрачным. Однако, как показали события 1939 г., он не оставлял идеи всеобщего альянса против Гитлера. Последняя его попытка имела место в апреле 1939 г., когда он предложил тройственный политический и военный союз Лондону и Парижу. И хотя французы поначалу заинтересовались, британцы отвергли советское предложение с обычным для них презрением. Это была последняя капля: 3 мая 1939 г. Сталин отправил Литвинова в отставку¹⁴³. Он, должно быть, полагал, что раз подход Литвинова не работает, нужно найти новый.

Политику СССР во время мюнхенского кризиса нельзя рассматривать в отрыве от неудач в вопросе о советской идее коллективной безопасности. Литвинов безуспешно настаивал на взаимодействии против нацистской Германии. Его курс был основан не на субъективном мнении; его одобрило Политбюро ЦК ВКП(б), а следовательно – Сталин. По сути, во второй половине 30-х не было вопросов в советской внешней политике, которые не решались бы им лично¹⁴⁴. Когда “хозяин” собирался менять курс, Литвинов пытался его переубедить. Когда в Москве не могли определиться, Литвинов добился, чтобы Сталин принял ничего не стоивший договор 1935 г. Именно он получил его одобрение в сентябре 1936 г. на возобновление попыток сформировать антинацистскую коалицию. Он же отговорил Сталина от чрезмерно агрессивной политики в Испании. Нарком, по всей видимости, убедил скептически настроенного генсека рассмотреть возможность переговоров штабов с французами в 1936–1937 гг. Литвинов же получил сталинское одобрение советской позиции в поддержку Чехословакии в том виде, в котором он представил ее Пайяру 2 сентября 1938 г. Во всех этих делах Литвиновым двигали государственные интересы, как он их себе представлял: нацистская угроза и необходимость организовать сильную коалицию для противостояния ей.

Из всей секретной переписки и заметок Литвинова, упомянутых в этом очерке, лишь одно сообщение выдержано в духе марксизма-ленинизма. В 1936 г. нарком предложил Сталину опубликовать статью в советской прессе, чтобы предупредить Францию. Возможно, Литвиновым двигала естественная мысль: не отступать перед лицом агрессора. Была и другая: враг моего врага – мой друг. “Белые вороны” в Париже поняли идею, как и задолго до этого короли Франции заключали союзы с турецкими султанами. Верхи Третьей Республики забыли о своей истории или предпочли не повторять ее.

¹⁴¹ АВП РФ, ф. 05, оп. 18, д. 148, п. 158, л. 88–90.

¹⁴² Там же, л. 100–103.

¹⁴³ *Carley M.J.* 1939, ch. 4.

¹⁴⁴ *Khlevniuk O.V.* *Master of the House: Stalin and His Inner Circle.* New Haven, 2009, p. 251.

А как же Сталин? Был ли он заложником идеологических догм или он не придавал значения различиям в “империалистических” противниках? Была ли его подозрительность по отношению к французам основана на идеологических предрассудках или на долгом опыте взаимоотношений с их враждебным правительством? В 1930-е годы Сталин был поглощен внутренней политикой и уничтожением политической оппозиции. Он был уверен в Литвинове – в той степени, в какой он вообще доверял людям, – и позволял последнему говорить от лица советского государства. До сих пор имелся доступ лишь к некоторым секретным директивам Сталина внешнеполитического характера. Тем не менее известно, что советская внешняя политика носила в высшей степени централизованный характер и даже незначительные вопросы включались в повестку заседаний Политбюро ЦК ВКП(б). Мы знаем, что Литвинов регулярно, хотя и не часто встречался со Сталиным, но очень часто – в период кризиса. В архивах Политбюро ЦК ВКП(б) сохранились протоколы заседаний, в том числе и по вопросам дипломатии. Сам Литвинов искренне верил в необходимость иерархии. Внешней политикой нельзя было заниматься на лету, а дипломатам в зарубежных столицах – говорить что им вздумается. Советский Союз в 30-х годах искал точки соприкосновения с другими державами исключительно в целях собственной безопасности. Его политика была всегда сдержанной в обстановке постоянной враждебности и опасности. СССР не искал пути к “изоляции”. Литвинов добивался создания антинацистского альянса, и он постоянно продвигал эту идею. Парадоксально, но две европейские державы, так нуждавшиеся в оружии, золоте и сильном союзнике, отвергали все предложения от такого потенциального союзника, который мог бы кардинально изменить баланс сил.

* * *

В начале 1938 г., накануне чехословацкого кризиса, упорные попытки Литвинова создать антигерманский альянс не достигли результата. Становится понятной осторожность советского правительства в отношениях с Лондоном и Парижем, хотя Москва, как писал Литвинов Сурицу в январе 1938 г., все еще держала дверь открытой. В том году Литвинов несколько раз пытался помочь Чехословакии в вопросе обеспечения безопасности – в марте, июне, августе и сентябре¹⁴⁵. Вопрос о помощи в одиночку не стоял; она была обречена на провал, как показал испанский опыт. Эффективной система коллективной безопасности могла стать только в случае участия Англии и Франции, которое так и не состоялось. Тем не менее французское и британское правительства, как и множество западных историков и журналистов, впоследствии обвиняли Москву в вероломстве, измышлениях, интриганстве с целью оставить Францию и Британию один на один с Гитлером. Таким образом, преступник обвинял жертву своего преступления. Париж и Лондон утверждали, что Красная Армия не выдержит наступления из-за чисток 1937 г. Это противоречило фактам. В июле и августе 1938 г. Красная Армия отразила японские атаки у озера Хасан на Дальнем Востоке, а в сентябре за 10 дней мобилизовала больше дивизий на румынской и польских границах, чем Франция – на германской. Британия не располагала армией, которую можно было бы послать на помощь Франции, а та не собиралась выступать против Германии даже несмотря на то, что Гамелен назвал укрепления на западных границах “стенной из мармелада”.

Кроме того, существовал и польский фактор. Польша формально была союзником Франции, но заключила пакт о ненападении с Гитлером. Польская элита питала отвращение к России и большевикам, пренебрежительно относилась к Чехословакии. Польское правительство объявило о политике невмешательства в дела двух опасных соседей, однако на самом деле держалось курса нацистской Германии. Французы временами заговаривали о расторжении договора с Польшей, но так и не решились на это из-за боязни, что Польша открыто перейдет на сторону Германии. Если бы началась война за Чехословакию, Красная Армия перешла бы в наступление на Польшу как на германского союзника и, нанеся ей поражение, распространила советское влияние на территорию

¹⁴⁵ На приеме у Сталина, с. 228–239.

Европы. Франция и Великобритания умышленно “проглядели” агрессивные намерения Польши в надежде избежать худшего исхода хотя бы для себя. Мучившие их кошмары войны и большевистской революции препятствовали защите как Чехословакии, так и всей Европы от нацистской Германии.

* * *

Итак, на ком же лежит ответственность за падение Чехословакии? В первую очередь – на Лавале, который “распотрошил” франко-советский пакт, и Бенеше, который не возражал против очень ограниченных договорных обязательств и поставил судьбу своей страны в зависимость от Франции. Литвинов предупредил его не принимать эту сделку, но чешский президент не пошел на сближение с СССР без Франции, а последняя никогда бы не пошла на укрепление отношений с Москвой. Таким образом, необходимый союз, брак “большевика” и Марианны, был несостоятелен изначально, несмотря на последующие попытки Блюма восстановить ситуацию. Политика Великобритании также сыграла свою роль, так как ее МИД принял франко-советский пакт в сильно урезанной форме, да и то неохотно. Когда СССР настаивал на переговорах штабов, а Блюм и его сторонники пытались продвигать эту идею, вмешался Иден, и движение прекратилось. А вскоре и Сталин внес свою лепту: возможно, он не предполагал, что его репрессивная внутренняя политика может повлиять на международные отношения. Чистки в советском командовании стали благовидным предлогом для французского генерального штаба не вступать в тесное взаимодействие с Москвой, которого в любом случае он не хотел.

Несмотря на неурядицы в стране, вызванные репрессиями, советская дипломатия продолжала курс в защиту интересов государства, а Красная Армия в сентябре 1938 г. провела частичную мобилизацию. Начала бы Красная Армия военные действия в случае вступления в войну за Чехословакию Англии и Франции? Доступные в настоящее время материалы не позволяют дать однозначный ответ. СССР не стал бы действовать в одиночку, а Франция и Великобритания не собирались вообще что-либо предпринимать. Чехословакия могла бы попытаться выйти из положения, изначально рассчитывая только на свои силы. Но Бенеш не относился к числу лидеров, которые могли бы вести страну в этом направлении. У Чехословакии не было более надежного союзника, чем СССР. Великобритания, Франция и сам Бенеш боялись схватки. В этом деле, говоря приведенными в начале статьи словами Литвинова, как бы ни отрицали это на Западе, только у Советского Союза остались “чистые руки”.